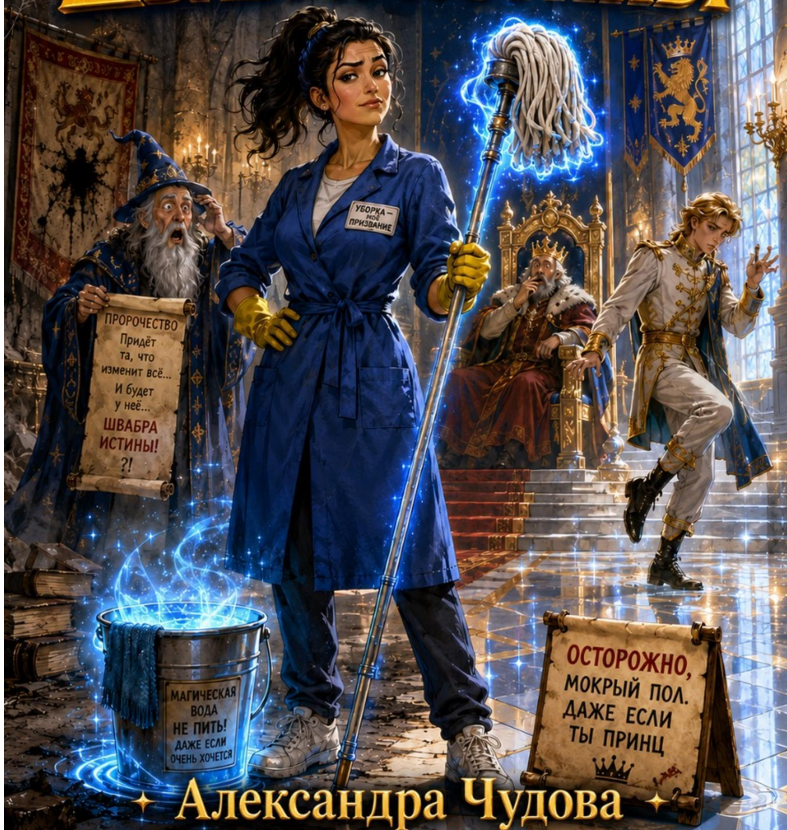

ЗАРИНА и ШВАБРА ИСТИНЫ

Александра Чудова

Зарина и Швабра Истины

<https://litres.ru/73813271>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её зовут Зарина. Ей тридцать. Она уборщица.

Попадание в волшебный мир не сделало её великим магом или избранной девой. Оно сделало её единственным человеком, который заметил, что в замке не мыли пол тысячу лет.

Пока аристократы пируют, эльфы поклоняются священной пыли, а армия нежити подступает к воротам, Зарина закатывает рукава. У неё нет меча. У неё швабра. И этого достаточно.

Тёмный Властелин Морвэн, уставший от вековой грязи, присылает ей письмо с просьбой о помощи. Принц учится вытирать ноги. Орк Грых изобретает «Субботник» и дарит букеты из лопухов. А говорящая швабра с профсоюзным билетом язвит не переставая.

Спасёт ли Зарина мир? Возможно. Но сначала она его отмоет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	46
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	77
Глава 9	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александра Чудова

Зарина и Швабра Истины

Глава 1

Знаете, что самое скверное в работе уборщицы? Не грязь. Не вонь из туалета после корпоратива. Даже эти мелкие офисные крысы, которые рассыпают крошки от печенья мимо урны и смотрят на тебя как на пустое место. Самое поганое — когда ты только что вымыла пол, а по нему сразу кто-то прошёл.

Я стояла в пустом коридоре бизнес-центра «Аврора-Плаза» и смотрела на цепочку грязных, мокрых следов от ботинок, тянущуюся через весь мой идеально влажный, блестящий, вылизанный до скрипа пол. Следы вели к лифту. Из лифта вышел мужик в костюме, с портфелем и лицом человека, который считает, что мир создан исключительно для его удобства. Он прошёл по моему полу. Прямо по центру. Не по краешку, не на цыпочках — а вразвалочку, как по собственной спальне.

Я сжала черенок швабры.

— Мужчина, — выдавила я голосом, который дома называли «голосом перед цунами». — Вы знак «Осторожно, мокрый пол» видели?

Он обернулся. Окинул меня взглядом с головы до ног. Уборщица. Синий халат. Резиновые перчатки. Швабра. Существо низшего порядка.

— Я на совещание опаздываю, — бросил он и пошёл дальше.

Я посмотрела на его удаляющуюся спину, затем на следы, и, наконец, на ведро с водой, в котором плавала тряпка из микрофибры. Вода была уже мутная — третий этаж, а я ещё даже до курилки не дошла.

Ведро было новое. Я купила его на прошлой неделе у бабки возле метро. Странная была бабка — седая, сгорбленная, но глаза молодые, цепкие. «Бери, дочка, — сказала она. — Это ведро особенное. Оно грязь не просто смывает — оно её в другое место уносит». Я тогда подумала — блажит старушка. А теперь смотрела на воду, и по спине пробежал холодок. Может, и не блажит.

— Мерзавец, — скривилась я воде.

Вода не ответила. Но пошла рябью.

Я нахмурилась. В коридоре не было сквозняка. Ведро я не трясла. Однако поверхность воды дрожала, как будто в неё бросили камень. А потом пошла кругами. И засветилась.

Честно? Я не испугалась. Я работала в этом бизнес-центре три года. Тут в туалетах такое видели, что светящаяся вода — это ещё цветочки. Один раз из унитаза в кабинете главного бухгалтера вылезла крыса и посмотрела на меня с таким выражением, будто это я здесь лишняя. Так что светящееся

ведро меня не впечатлило.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть поближе. Может, лампочка какая-то в воде отражается? Или у меня наконец-то поехала крыша от хронического недосыпа и отсутствия отпусков за три года?

Вода в ведре дёрнулась. И меня затянуло.

Буквально. Как пылесосом. Я даже пискнуть не успела — просто мир перевернулся, в ушах зашумело, в глазах потемнело, а потом я вылетела из чего-то мокрого и холодного и шмякнулась на каменный пол.

Первое, что я увидела, открыв глаза — паутину под потолком. Густую, чёрную от пыли, сдохлыми мухами. Такую, за которую моя начальница Светка устроила бы мне выговор с занесением.

Второе, что я увидела — чьи-то сапоги. Дорогие. Кожаные. С вышивкой золотом. И они стояли в луже грязной воды, которая выплеснулась вместе со мной из ведра.

— Кто ты?! — раздался голос сверху. Высокий, дрожащий, с истеричными нотками. — Как ты посмела осквернить Палату Предназначений своей... своей...

Я перевернулась на спину и села. Промокшая, злая, с налившимися на лицо волосами.

Передо мной стоял мужик в длинной синей мантии, расшитой звёздами. В одной руке он держал посох с хрустальным шаром, в другой — свиток. На голове — остроконечная

шляпа. На лице — выражение человека, которому на любимый диван написал кот.

Вокруг него толпились ещё какие-то люди в странной одежде. Я заметила корону на одном, латы на другом, белые волосы и острые уши на третьем. Эльф, что ли? Серьёзно?

— Я спрашиваю, — повторил мужик в мантии, — кто ты такая?!

Я медленно поднялась на ноги. Отжала волосы. Огляделась.

Зал был огромный. Каменные стены, факелы, гобелены на стенах, трон в дальнем конце. И везде — грязь. Пол немытый, наверное, с момента постройки. Паутина по углам толщиной с мой мизинец. На гобеленах — пятна, происхождение которых я даже определять не хотела. А запах... Господи, запах был такой, будто здесь месяц тухладохлаямышь.

— Я Зарина, — изумилась я, всё ещё оглядываясь. — Уборщица. А вы кто такие и почему у вас тут такой свинарник?

Повисла пауза.

Мужик в мантии открыл рот. Закрыл. Посмотрел на короля. Король посмотрел на эльфа. Эльф посмотрел на меня с таким презрением, будто я была той самой дохлой мышью.

— Она назвала Палату Предназначений свинарником, — прошептал кто-то в углу.

— Потому что это свинарник, — подтвердила я. — Вы когда в последний раз пол мыли? А паутину убирали? А го-

белены эти... их вообще стирать пробовали или они с момента коронации первого короля висят?

— Гобелены священные! — взвизгнул мужик в мантии. — Им тысяча лет! На них изображена история Аэлиона!

— На них изображены пятна от вина и чего-то бурого, — я прищурилась. — Вот это, кстати, что? Кровь? Кетчуп?

— Кровь дракона, — гордо отчеканил король. — Мой прадед убил его прямо в этом зале.

— И не вытерли? Тысячу лет назад убили дракона, и тысячу лет пятно на гобелене? Вы серьёзно?

Король замолчал. Кажется, ему никогда не приходило в голову, что кровь дракона с гобелена можно отстирать.

Я стояла посреди этого пыльного величия и почему-то думала о своей квартире.

Не о холодильнике, который гудит как реактивный двигатель. Не о жёлтом пятне на потолке, которое сосед обещает заделать с тех пор, как я туда въехала. Я думала о том, как прихожу домой — ключ в замок, дверь, тишина. И никто не оборачивается. Потому что некому. Кот умер два года назад, и я всё не завожу нового — не то чтобы некогда, просто... зачем. Прихожу — никто не замечает. Ухожу — никто не спрашивает куда.

На работе то же самое. Меня замечают ровно тогда, когда я что-то не домыла. Или когда кто-то поскользнулся — тогда сразу «уборщица!», «это безобразие!», «я буду жаловаться». Я как та мокрая тряпка в ведре: существу, пока нужна, и

исчезаю, когда дело сделано.

А здесь...

Я медленно обвела взглядом зал. Паутина, пятна, гобелены с тысячелетней кровью дракона. Грязь была настоящая. Древняя. Со смыслом. Не кто-то рассыпал крошки мимо урны — здесь убивали драконов и не успели вытереть. Разница, согласитесь, есть.

И эти люди смотрели на меня. Не сквозь — на меня. Пусть с ужасом, пусть с растерянностью — но смотрели. Ждали, что я скажу. Может, галлюцинация от хронического недосыпа и трёх лет без отпуска. Может, настоящее. Я пока не решила.

Но если настоящее — то здесь у меня, кажется, могла бы появиться история.

Древняя. С историей. И отмыть её — уже дело.

Я вздохнула и машинально потянулась за шваброй. Она, слава богу, пролетела через портал вместе со мной и теперь валялась у моих ног. Черенок деревянный, насадка из микрофибры, верная боевая подруга.

— Ладно, — изрекла я, поднимая швабру. — Давайте по порядку. Меня зовут Зарина. Я мыла пол в бизнес-центре. Это дурацкое ведро меня засосало. Теперь я здесь. Вопрос первый: как мне вернуться обратно? Вопрос второй: у вас есть нормальное моющее средство или только вода из фонтана?

Мужик в мантии — видимо, местный маг — вытаращил

глаза.

— Ты... ты не можешь вернуться! Ты — Слуга Судеб! Та, что пришла с водой и деревом! Спасительница Аэлиона, явленная в час Тьмы!

Я перевела взгляд с него на швабру в своей руке. Потом на ведро с грязной водой у ног.

— Вода, — переспросила я. — И дерево. Это вы про ведро и швабру?

— Пророчество! — маг ткнул пальцем в свиток. — *«И придёт она из мира иного, неся с собой воду живую и древо очищения. И спасёт Аэлион от Скверны и Тлена».* Это ты!

Архимаг Фолдриан развернул свиток и зачитал торжественно:

«В год, когда Тьма поднимется с Севера, и мёртвые пойдут по земле, явится Слуга Судеб. Придёт она из мира иного, неся с собой воду живую и древо очищения. И там, где пройдёт она, исчезнет Скверна. И там, где ударит деревом своим, падёт Тлен. И спасёт она Аэлион от Великой Грязи».

Он перевёл дыхание и, понизив голос, добавил с заговорщицким видом:

— А в более поздних комментариях к пророчеству, составленных магами Третьей Эпохи, сие оружие именуется Шваброй Истины. — Он поморщился. — Вульгарное название, конечно. Авторы явно пытались перевести древние ру-

ны на простонародный лад. Я лично предпочитаю термин «Древо Очищения». Звучит достойнее. — Он осёкся, прищурился на мою швабру и быстро добавил: — Хотя, разумеется, твоя — это пока лишь... совпадение очертаний. Настоящая Швабра Истины, если верить комментариям, должна себя как-то проявить. Знамением. Голосом. Чем-то таким. А это — просто палка с тряпкой. Пока что.

Я про себя хмыкнула, покосившись на свою облезлую швабру с деревянным черенком и истрёпанной насадкой.

— Швабра Истины, значит, — протянула я. — Ну-ну. Что-то моя «Истина» пока только грязь развозит, а не Тлен разит. Летать не летает, молчит как рыба. Видать, бракованный экземпляр.

Фолди смутился.

— Пророчества, они... метафоричны. Возможно, твоя швабра ещё не... активировалась. Или ждёт чего-то.

Пришлось закрыть глаза, вдох...выдох...

— Дядя, — протянула я медленно, как ребёнку. — «Древо очищения» — это швабра из магазина за триста рублей. А «вода живая», это вода из-под крана с добавлением «Мистера Пропера». Я не спасательница. Я уборщица. У меня смена через два часа заканчивается, и если я не отмечусь, мне Светка такой штраф влепит...

— Ты не понимаешь! — перебил маг. — Тьма наступает! Тёмный Властелин Морвэн собирает армию нежити! Только ты можешь остановить его!

— Чем? — я подняла швабру. — Этой штукой по голове?

— Именно! — маг аж подпрыгнул. — Швабра Истины! Древнее оружие, забытое в веках!

Я посмотрела на свою швабру, а она как будто посмотрела на меня. У неё не было глаз, но я могла поклясться, что она тоже устала от этого цирка.

— Ладно, — выдохнула я. — Давайте по порядку. Сначала вы мне показываете, где у вас тут подсобка. Потом я навожу порядок в этом зале, и вы мне платите за уборку, так как любое дело должно быть оплачено. А затем я решу, хочу ли я спасти ваш мир или лучше вернусь в бизнес-центр и домою третий этаж. Идёт?

Маг открыл рот.

Король поперхнулся тишиной.

Эльф ловил муху.

Где-то в одном из коридоров я остановилась перевести дух и машинально запустила руку в карман халата. Там, под слипшейся обёрткой, лежала лимонная карамелька — из тех, что я всегда таскала с собой в бизнес-центре. Маленькая, а радость. Я развернула конфету в уже мятом фантике и сунула в рот. Наслаждение.

Кислинка на языке — и сразу спокойнее. Можно идти дальше: искать, куда эти люди дели хоть одно приличное ведро.

Я взяла швабру наперевес и пошла искать подсобку.

Глава 2

Подсобки в замке я не нашла. Точнее, то, что местные называли подсобками, больше напоминало археологические раскопки с наслоениями векового мусора. До инвентаря я пока не докопалась.

Я обошла весь первый этаж, заглянула в три кладовки, один винный погреб и комнату, которая оказалась личной молельней королевы (простите, ваше величество, я думала, там веники). Везде царило одно и то же: вековая пыль, паутина, сундуки с гниющими гобеленами и полное отсутствие нормального инвентаря.

Ни тебе ведра с отжимом. Ни швабры-бабочки. Ни даже мало-мальски приличной тряпки из микрофибры. Только какая-то солома в углу и ржавое ведро с дыркой.

Я вернулась в Палату Предназначений (Господи, что за название) и швырнула ржавое ведро на пол. Звук получился отличный — гулкий, с эхом. Все вздрогнули.

— Так, — начала я, уперев руки в боки. — У вас тут не замок, а помойка. Инвентаря нет. Моющих средств нет. Даже нормальной воды нет — в фонтане плавают лепестки роз идохлая муха. Как вы тут живёте?

Король — мужчина лет пятидесяти, с сединой в бороде и усталыми глазами — кашлянул.

— Мы... не убираемся.

— Я заметила. Почему?

— Потому что уборка — удел низших, — подал голос эльф. Он стоял, скрестив руки на груди, и разглядывал меня, как таракана. — Чистота — это пустота. А пустота — это отсутствие жизни. Мы, эльфы, живём в гармонии с природой. Пыль — часть природы. Плесень — тоже. Пауки — наши братья.

— Ваши братья засоряют углы, — отчеканила я. — И в гармонии с природой можно существовать без грязи. Вы в лесу обитаете, да? Листья гниющие убираете?

Эльф умолк. Кажется, ему никогда не доводилось задумываться, что гниющие листья — это тоже «грязь».

— Ладно, — повернулась я к магу. — Давай сюда своё пророчество. Показывай.

Маг, которого, как выяснилось, звали Архимаг Фолдриан (я мысленно окрестила его Фолди), просиял и развернул свиток. Свиток оказался длинным, пожелтевшим, с обгоревшими краями. Пахло от него, как от старых газет в подвале моей бабушки.

— *«В год, когда Тьма поднимется с Севера, и мёртвые пойдут по земле, явится Слуга Судеб», — зачитал он торжественно. — «Придёт она из мира иного, неся с собой воду живую и древо очищения. И там, где пройдёт она, исчезнет Скверна. И там, где ударит древом своим, падёт Тлен. И спасёт она Аэлион от Великой Грязи».*

Я моргнула.

— Стоп. «Великой Гязи»? В смысле — гязи? В прямом смысле?

Фолди смутился.

— Ну... пророчество древнее. Возможно, метафора. Возможно, речь о духовной скверне. О пороках в душах людей.

— Ага, — кивнула я. — Духовная скверна. А пятно от дракона на гобелене — это тоже духовная?

Фолди промолчал.

— Допустим, я — эта ваша Слуга Судеб. И я должна спасти мир от Великой Гязи. Но, что мне с того, я даже не в своём мире.

— Слава! — воскликнул король. — Благодарность потомков! Твоё имя войдёт в легенды!

— Слава в легендах мне без надобности. Мне нужна зарплата. Жильё. И нормальное моющее средство.

Король и Фолди переглянулись. Эльф фыркнул.

— Мы можем предложить тебе покои в замке, — осторожно проговорил король. — И золото. Много золота.

— Сколько?

Король назвал сумму. Я прикинула — можно пару лет не платить за коммуналку, ну и купить новую технику, к примеру: тот самый холодильник, который не гудит. За такие деньги я бы не только замок вымыла, но и конюшни, и ров, и дракона, если понадобится.

— Идёт, — бросила я. — Но с условием. Первое: я сама решаю, что, как и когда мыть. Второе: вы выделяете мне нормальную подсобку и закупаете инвентарь по моему списку. Третье: никто, повторяю, никто не ходит по мокрому полу. Понятно?

Король кивнул. Фолди кивнул. Эльф не кивнул, но я на него пока забила.

— Отлично, — я подняла свою верную швабру. — Тогда начнём с этого зала. А вы пока составьте перечень всего, что у вас тут грязного. По помещениям. С указанием степени загрязнения по шкале от одного до пяти.

— Шкале чего? — не понял Фолди.

— Один — «просто пыльно». Пять — «тут кто-то умер и не убрали». Вон то пятно на гобелене, кстати, это пятёрка.

Фолди побледнел и принялся записывать.

Я заметила, что его блокнот весь испещрён пометками. Он поймал мой взгляд и смущённо прижал блокнот к груди.

— Это... рецепты, — признался он. — Чистящих средств. Я собираю их триста лет. Теоретически. Практически никогда не применял. Но вот, — он пролистнул страницы, — настой корня мандрагоры для выведения пятен от зелий. Отвар лунного мха для блеска магических артефактов. Эссенция из слёз феникса — для особо въедливых проклятий.

Я посмотрела на него с уважением.

— Фолди, — произнесла я. — Вы, кажется, мой человек.

Он просиял так, будто я посвятила его в рыцари.

Я закатала рукава, налила в ведро воды из фонтана (предварительно выловив муху), добавила каплю жидкого мыла, которое чудом уцелело в кармане моего халата, и взялась за работу.

Первый час ушёл на гобелен.

Я сняла его со стены (поднялась туча пыли, эльф закашлялся и выбежал из зала), отнесла во внутренний двор и разложила на камнях. Пятно от драконьей крови было старое, въевшееся, но я в своей жизни оттирала и не такое. Кофе, пролитый айтишником на бежевый ковролин и забытый на выходные, — вот это был ад. А драконья кровь — подумай.

Я попросила у короля соли, уксуса и горячей воды. Соль нашли. Кувшин старого вина, которое уже превратилось в уксус, отыскался в винном погребе (сойдёт, кислоты хватит). Горячую воду принесли слуги, которые взирали на меня, как на безумную.

Честно говоря, я готовилась к худшему. Думала, буду тереть до ночи. Но как только тряпка с уксусом коснулась бурого подтёка, он зашипел и пошёл пузырями, словно ему было стыдно. Это была не кровь в нашем понимании — это была застарелая магическая клякса. Видимо, в Аэлионе грязь держится не на химии, а на уверенности, что её невозможно отмыть. И когда я, земная уборщица, подошла к гобелену с мыслью «щас всё будет чисто», магия просто... сдалась.

Через полчаса пятно посветлело. Через час — исчезло.

Надо отдать должное местной магии — грязь здесь отмывалась легче, чем дома, если знать подход. В Москве пятно от кофе на ковролине оттиралось дольше, чем вековая плесень с эльфийского гобелена.

Наконец, ещё через полчаса я прополоскала гобелен в чистой воде, и он стал... другого цвета. Оказывается, изначально он был не тёмно-серым, а светло-бежевым с золотыми нитями.

Я повесила его сушиться на верёвку, натянутую между двумя колоннами. Король вышел во двор, увидел гобелен и замер.

— Он... он всегда был такого цвета?

— Да. Просто вы его никогда не стирали.

Король приблизился, потрогал влажную ткань. На его лице отразилось сложное чувство — смесь ужаса, восторга и стыда.

— Тысячу лет, — прошептал он. — Тысячу лет мы жили в грязи и полагали, что так и должно быть.

— Так бывает, — отозвалась я. — Когда никто не показывает, что можно иначе.

Король посмотрел на меня долгим взглядом.

— Знаешь, Зарина, — проронил он медленно. — Кажется, пророчество не врало.

Я пожала плечами и двинулась обратно в замок. Король ещё немного постоял у гобелена, а когда вошёл следом, я уже заканчивала отмывать угол возле трона. Он молча прибли-

зился к своему месту и — о чудо — рукавом камзола принялся неумело тереть подлокотник. Неловко, стыдливо, как человек, который впервые взял в руки тряпку и боится, что его застанут. Застали. Он встретился со мной взглядом, покраснел и отдёрнул руку. Я сделала вид, что ничего не заметила. Пусть у королей тоже будут свои маленькие победы над грязью.

У меня там ещё полы немытые и паутина в углах. А до темноты, по моим внутренним часам, оставалось часа три — как раз успею разобрать углы.

Вечером, когда я домывала последний угол в Палате Предназначений (пол скрипел от чистоты, факелы отражались в нём, как в зеркале), в зал вошёл он.

Принц Элариан.

Я его сразу узнала, хотя видела впервые. Потому что такие, как он, выглядят одинаково в любом мире: высокий, стройный, белокурые волосы до плеч, голубые глаза, идеальная кожа, дорогая одежда и выражение лица «я тут главный подарок судьбы». Он замер в дверях, узрел чистый пол, мокрый после мытья, и шагнул вперёд.

Прямо по мокрому полу.

Я выпрямилась.

— Стоять.

Принц застыл с поднятой ногой.

— Что? — он огляделся. — Я принц Элариан, наследник престола, и я...

— Ты идёшь по мокрому полу, — перебила я. — Там знак стоит. Видишь?

Я кивнула на ведро с табличкой, которую соорудила из обрывка пергамента и палки. На табличке корявым почерком было выведено:

«ОСТОРОЖНО, МОКРЫЙ ПОЛ. ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ ПРИНЦ».

Элариан прочитал. Поджал губы.

— Это неуважение к королевской особе.

— Это уважение к моему труду, — я оперлась на швабру.
— Либо обходи по краю, либо снимай обувь.

Принц уставился на меня так, будто я предложила ему снять корону и вымыть ею пол. Потом медленно, с выражением крайнего неодобрения, обогнул зал по краешку, прижимаясь к стене и стараясь не касаться чистого пола.

Я кивнула.

— Вот так. Молодец. Приучайся.

Элариан добрался до трона, сел и вперил в меня взгляд.

— Ты странная, — выдал он наконец.

— Я уборщица. Это норма.

— Отец говорит, ты — Слуга Судеб. Спасительница Аэлиона.

— Твой отец хочет, чтобы я вымыла замок. И платит за это золотом. А пророчество — так, для антуража.

Принц нахмурился. Видимо, в его голове не укладывалось, что кто-то может не грезить о спасении мира.

— А как же Тёмный Властелин? — поинтересовался он.
— Армия нежити? Тьма, наступающая с Севера?

— А что с ними?

— Их нужно победить!

— Победить, — я задумалась. — Ну, смотря что под этим понимать. Если «победить» — это уничтожить всех зомби, то долго и муторно. А если «победить» — это сделать так, чтобы они перестали быть проблемой, то... может, им просто нужно растолковать, что мусорить нехорошо?

Принц открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Ты... ты собираешься вести переговоры с армией нежити?

— А что, нельзя? Они же были людьми когда-то. Может, у них просто депрессия от того, что они мёртвые и грязные. Помоем — глядишь, и утихомирятся.

Элариан потёр виски. Кажется, у него начинала болеть голова.

Я усмехнулась, взяла ведро и пошла выливать грязную воду. День выдался долгий. Завтра предстояло много работы. А совсем скоро, судя по слухам, к замку подойдёт армия зомби.

И у меня были кое-какие мысли на этот счёт.

Глава 3

Утро в замке началось с криков.

Не с пения птиц, не с запаха свежей выпечки, не с луча солнца, пробивающегося сквозь витраж. А с криков. Где-то в коридоре кто-то орал так, будто его резали. Я проснулась, села на кровати (жёсткой, с комковатым матрасом, набитым, кажется, сеном и обидой), и прислушалась.

— ВОР! ДЕРЖИТЕ ВОРА! ОН УКРАЛ КОРОЛЕВСКИЙ ПЕРСТЕНЬ!

Я вздохнула. Ну вот. Даже в волшебном мире никакого покоя.

Покои, которые мне выделил король, оказались маленькой комнатой в башне. Узкое окно, скрипучая кровать, сундук для вещей и деревянное ведро в углу — видимо, местный аналог туалета. Я оценила жест, но мысленно добавила в список «купить нормальный горшок с крышкой». И коврик. И лампу. И вообще — сделать ремонт.

Но это потом. Сначала — работа.

Я натянула свой синий рабочий халат — поверх футболки и джинсов, в которых меня и затянуло в портал. Из дома на мне было только то, в чём я вышла на смену: халат, джинсы, флиски, кроссовки да тапки в сумке. Не богато, но хоть не

в одной пижаме. Завязала волосы в хвост, взяла швабру и вышла в коридор.

Кричали из главного зала. Когда я туда добралась, там уже собралась толпа: стража, слуги, придворные дамы в мятых платьях, пара гномов (откуда они здесь?) и Архимаг Фолди, который размахивал своим посохом и что-то вещал про «портальную магию и невозможность проникновения».

В центре зала, на коленях, стоял мужик в рваной одежде. Руки связаны за спиной. На лице — синяк. Вокруг него — трое стражников в блестящих доспехах. Один из них, самый здоровый, с квадратной челюстью и маленькими глазками, сжимал в пальцах перстень с огромным рубином.

— Ваше величество! — рявкнул он, обращаясь к королю, который маячил у трона с кислым лицом. — Вор пойман! Перстень при нём! Наказание — смерть!

— Я не вор! — закричал мужик на коленях. — Я шёл по коридору! Перстень мне подбросили! Я даже не знаю, как он оказался в моём кармане!

— Молчать! — стражник замахнулся, чтобы ударить его.

Я не планировала вмешиваться. Честно. Я уборщица, а не полиция. Но тут я посмотрела на пол.

Пол, который я вчера вымыла до блеска.

На нём красовались грязные следы. Много следов. Ведущие от входа, через весь зал, к тому месту, где стоял стражник. И это были не следы вора. Вор оказался босым — его сапоги, видимо, сняли при задержании. А следы на полу —

от огромных, подбитых железом сапог. Таких, как у стражника.

Я прищурилась.

— Эй, — громко окликнула я.

Все обернулись. Король удивлённо поднял брови. Фолди замер с открытым ртом. Принц Элариан, стоявший в углу с видом «я слишком красив для этого дерьма», лениво перевёл на меня взгляд.

— Чего тебе, уборщица? — хмыкнул здоровый стражник.
— Не видишь, мы тут правосудие вершим?

Я подошла ближе, глядя на его сапоги. Так и есть. Размер примерно сорок пятый. Рисунок подошвы — ромбики с крестиками. Точно такие же следы вели от входа.

— Ты перстень нашёл где? — обратилась я к вору.

— В кармане! — он всхлипнул. — Я сунул руку за платком, а там — он! Я его даже не трогал!

— А ты где его нашёл? — я повернулась к стражнику.

— При обыске! — рявкнул он. — Это моя работа — обыскивать подозрительных!

— Подозрительных, — повторила я. — А почему ты решил, что он подозрительный?

Стражник замялся.

— Ну... он выглядел как вор. Одежда рваная. Бродил по коридору без дела.

— То есть, — я медленно кивнула, — ты увидел человека в рваной одежде, решил, что он вор, обыскал, нашёл пер-

стенъ и сразу поволокло его сюда. Так?

— Да! И что?

Я перевела взгляд на его сапоги. Потом на следы на полу. Потом снова на него.

— А почему отпечатки твоих сапог ведут от входа в зал к тому месту, где ты сейчас стоишь? И почему они в точности совпадают со следами, ведущими к покоям короля?

В зале повисла тишина. Король нахмурился. Фолди уставился на пол. Стражник побледнел.

— Это... это не мои следы! — выдавил он.

— Твои, — я ткнула шваброй в пол. — Ромбики с крестиками. У остальных стражников подошвы гладкие. У тебя — рифлёные. И они ведут от королевских покоев. Ты взял перстень, сунул в карман этому бедолаге, а потом «нашёл» при обыске. Красиво. Только пол вымыть позабыл.

Стражник дёрнулся. Его лицо перекошилось от злости.

— Ах ты, грязная тварь! — заорал он и выхватил меч. — Да я тебя...

Он не договорил.

Я не дала ему договорить.

Знаете, за десять лет работы уборщицей учишься паре вещей. Во-первых, всегда смотри под ноги. Во-вторых, швабра — это не только инструмент для мытья полов. Это ещё и рычаг, и дубина.

Первый удар. Я перехватила швабру обеими руками, как бейсбольную битку, и с разворота врезала черенком ему под

колено. Хрустнуло. Стражник взвыл и начал заваливаться вперёд, теряя равновесие.

Второй удар. Времени на замах не было. Я резко сменила хват, выбросив швабру вперёд, как копье. Торец черенка — твёрдый, как набалдашник — врезался ему точно в кадык. Не тряпкой, а именно деревом. Стражник захрипел, выпустил меч и схватился за горло.

Третий удар. Он попытался встать и дотянуться до меча. Тогда я снова перехватила швабру на широкий замах и, шагнув вбок, с оттягом заехала ему черенком по затылку.

Звук получился — будто арбуз уронили на кафель. Глухой, сочный, убедительный.

Стражник рухнул лицом в пол.

Меч загремел по камням. Наступила тишина.

Я поправила съехавший халат, вытерла черенок швабры о его же плащ и оглядела зал.

— Кто-нибудь ещё хочет походить по мокрому полу? — поинтересовалась я. — Или подставить невинного? Я могу повторить. Работы ещё полно, и ненависти к грязи — хоть отбавляй.

Никто не ответил. Король взирал на меня с ужасом и восторгом одновременно. Фолди мелко крестился каким-то магическим жестом. Эльф, появившийся в дверях, замер с открытым ртом. Принц Элариан... принц Элариан разглядывал меня по-новому. Как будто впервые увидел.

«Древо Очищения...» — прошептал Фолди дрожащим го-

лосом. — Три удара воздаяния. Удар под колено, тычок в горло, добивание в затылок. Классическая школа. Я читал об этом в манускриптах!

Он осёкся, перевёл взгляд на Заринину швабру и пробормотал себе под нос:

— Хотя нет, погодите... в тех же комментариях это называлось... Швабра Истины. Надо же. А я-то думал — метафора.

— Это не школа, — я вздохнула. — Это опыт. У нас в бизнес-центре один охранник любил распускать руки. Пришлось объяснить, что уборщица — тоже человек.

Король кашлянул.

— Стража! Уведите этого, — он кивнул на лежащего стражника. — В темницу. За кражу королевского перстня и покушение на... на Слугу Судеб.

Двое других стражников, бледные и испуганные, подхватили своего бывшего коллегу под руки и поволокли прочь. Вор, которого чуть не казнили, стоял на коленях и глядел на меня как на богиню.

— Спасибо, госпожа, — прошептал он. — Спасибо!

— Не за что, — я махнула рукой. — Иди. И в следующий раз, если увидишь грязные следы на чистом полу, сразу зови меня.

Он кивнул и убежал.

Я повернулась к королю.

— У вас в замке бардак, ваше величество. Не только грязь,

но и воровство среди стражи. Я, конечно, могу мыть полы, но, если вы не наведёте порядок в кадрах, моя работа пойдёт прахом.

Король вздохнул.

— Ты права, Зарина. Я... я давно не обращал внимания на то, что творится в моём собственном доме. Слишком много забот о войне, о Тьме, о пророчествах. А замок тем временем гнил изнутри. Буквально и фигурально.

— Так бывает, — отозвалась я. — Когда много думаешь о великом, забываешь о малом. А из малого всё и состоит. Полы, паутина, честная стража. Без этого и великое не устоит.

Король уставился на меня долгим взглядом.

— Знаешь, Зарина, а ведь пророчество действительно не врало. Ты уже начала спасать Аэлион. Просто... не так, как мы ожидали.

Я пожала плечами.

— Я просто мою полы. И не люблю, когда по ним ходят в грязных сапогах. Всё остальное — ваши фантазии.

Я взяла швабру, поправила ведро и отправилась проверять коридор перед королевскими покоем. Там наверняка тоже натоптали.

К вечеру замок гудел.

История о том, как «уборщица уложила стражника шваброй за три удара», обросла деталями. Говорили, что она владеет древним боевым искусством. Что её швабра заколдована. Что она видит грязь даже там, где её нет, и это пугает

больше всего.

Я сидела в своей башне, чинила прохудившееся ведро (пришлось одолжить у гномов кусок кожи и смолу) и слушала, как за дверью шепчутся слуги.

— ...говорят, она одним ударом может выбить дух из человека!

— ...и из демона!

— ...и из дракона, наверное!

Я усмехнулась. Пусть болтают. Страх перед шваброй — отличная мотивация не мусорить.

В дверь постучали.

— Войдите, — бросила я, не отрываясь от ведра.

Дверь открылась. На пороге стоял принц Элариан. В руках он держал какой-то свёрток.

— Можно? — осведомился он.

Я кивнула. Он вошёл, оглядел мою убогую комнату и поморщился.

— Ты живёшь в таких условиях? Я поговорю с отцом, чтобы тебе выделили покои получше.

— Мне нормально, — я пожала плечами. — Я не принцесса. Мне главное, чтобы крыша не текла и клопов не было. Клопов, кстати, нет?

Принц побледнел.

— Я... я не знаю.

— Ладно, проверю завтра. Чего хотел?

Элариан протянул мне свёрток.

— Это тебе. В знак... благодарности. За то, что раскрыла вора и спасла невинного. И за то, что... — он замялся, — за то, что не побоялась ударить стражника. Я бы не смог.

— Ты принц, — я развернула свёрток. — Тебе нельзя. А мне можно. Я никто.

Внутри оказалась ткань. Мягкая, тёмно-синяя, явно дорогая. Я развернула полностью и поняла, что это... халат? Нет, не совсем. Покрой был странный — вроде плащ, но без капюшона, с прямыми полами до колен и широкими рукавами. А главное — карманы. Много карманов. Нашивные, глубокие, с клапанами на мелких пуговицах.

— Это эльфийская дорожная ряса, — пояснил принц, заметив моё замешательство. — У них нет слова «халат». Но швея, когда я заказывал, всё допытывалась, для кого. Я описал тебя, и она сказала: «А, поняла. Сделаю как для себя, только с карманами для склянок». Получилось... вот.

Я провела ладонью по ткани. Мягкая, но плотная. Пахнет чем-то травянистым. Не промокает, говоришь? Я поднесла край к свету — ткань чуть мерцала, будто в нити вплели лунное серебро. Интересно, пятна от жира отстирываются?

— Лёгкая, не пачкается, — перечислил Элариан. — И карманы для... для твоих тряпок и бутылок.

Я усмехнулась и, не снимая старого халата, накинула подарок поверх. Село идеально. Рукава не длинные, полы не волочатся. Карманы — ровно там, где я привыкла держать тряпки и пузырьки. И цвет тот же — тёмно-синий, как мой

рабочий. Только ткань в тысячу раз лучше.

— Знаешь, что, принц, — протянула я, разглядывая себя в отражении оконного стекла. — Ты, кажется, подарил мне магический аналог моего старого халата. Только эльфийский. И с карманами.

— Я хотел, чтобы тебе было удобно, — тихо сказал он. — Ты всё время носишь тот, синий. Я подумал... может, этот тоже станет твоим.

Я посмотрела на него. Он глядел в пол и, кажется, краснел.

— Спасибо, — выдохнула я искренне. — Правда, спасибо. Это... это, очень полезный подарок для меня.

Элариан поднял глаза и улыбнулся. Впервые за всё время — нормальной человеческой улыбкой, а не дежурной королевской.

— Я рад, что ты здесь, Зарина, — проронил он тихо. — В замке стало... чище. И не только на полу.

Он развернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я перевела взгляд на новый халат (то есть плащ). Затем на ведро и на швабру в углу.

— Ну что, подруга, — обратилась я к швабре. — Кажется, мы тут надолго.

Швабра, конечно, не ответила. Но я могла поклясться, что она была довольна.

Глава 4

Прошла неделя.

За это время я успела вымыть тронный зал, королевскую столовую, два коридора, одну башню (частично) и лестницу, ведущую в подземелье. Последнее — зря. В подземелье сидели узники, которые, увидев меня со шваброй, начали вопить, что их хотят пытать чистотой. Я плюнула и ушла. Пусть сидят в грязи, раз им так нравится.

Замок потихоньку преображался. Слуги, глядя на меня, начали робко подметать свои углы. Гномы-кузнецы, которые жили в подвале и вечно ходили в саже, после моего визита с ведром и мочалкой вдруг заинтересовались мылом. Король бродил по замку с видом человека, который заново знакомится с собственным домом. А принц Элариан... принц Элариан стал заходить ко мне каждый вечер.

Нет, не с романтическими намерениями. Просто посидеть. Поболтать. Он приносил эльфийское вино (кислое, но пить можно), я доставала сухари из своей сумки, и мы беседовали. Оказывается, принцу было отчаянно скучно. Вся его жизнь состояла из приёмов, церемоний и тренировок с мечом, к которому у него не лежала душа.

— Я не хочу воевать, — признался он однажды вечером, глядя в окно на звёзды. — Все ждут, что я поведу армию против Тёмного Властелина. А я... я даже меч держу непра-

вильно. Учитель фехтования рыдает каждый раз, когда я выхожу на площадку.

— А чего ты хочешь? — любопытствовала я, протирая швабру тряпкой.

— Не знаю. — Он вздохнул. — Может, рисовать. Или музыку сочинять. Или... просто жить, без всего этого.

Я уставилась на него. Красивый, богатый, наследник трона. И несчастный, как моя бывшая коллега Людка, которая мечтала стать певицей, а мыла полы в бизнес-центре.

— Знаешь, что я тебе скажу, принц. — Я отложила швабру. — Если ты не хочешь воевать — не воюй. Найди того, кто хочет. Или того, кто умеет. Делегируй. Ты же принц, у тебя есть такая возможность.

— Делегируй? — Он нахмурился. — Кому? Кто станет сражаться вместо меня?

— Ну, — я пожала плечами, — например, я. Шваброй по голове — и враг готов.

Элариан засмеялся. Впервые за всё время — искренне, без королевской сдержанности.

— Ты удивительная, Зарина, — выдал он. — И швабра у тебя удивительная. Жаль только, что она обычная. Представь, если бы она была волшебной!

Я фыркнула.

— Волшебной швабры не бывает. Швабра — это инструмент. Работает тот, кто её держит.

Элариан вдруг стал серьёзным.

— А вот и бывает.

Он встал и вышел. Вернулся через пять минут, держа в руках что-то завернутое в бархат. Я сразу поняла — сейчас будет какая-то магическая фигня.

Принц опустился на одно колено (Господи, зачем так пафосно) и протянул мне свёрток.

— Зарина, — произнёс он, и в голосе его звенело торжественное волнение. — Я хочу показать тебе кое-что. Это хранится в нашей сокровищнице семьсот сорок три года. Гномы-артефакторы продали сию вещь моему прапрадеду как «Расчёску Прозрения для Подгорных Старцев». Клялись, что, если провести ею по бороде в полнолуние, откроется суть вещей. Но... никто так и не постиг, для чего она предназначена на самом деле.

Он откинул бархат.

В свёртке покоилась насадка для швабры. Плоская, прямоугольная, с длиннющими серебристыми волокнами — пушистыми, струящимися, будто кто-то сплёл лунный свет с облаком. Каждая нить, толщиной с волос, мерцала в полутьме, а присмотревшись, я различила в их основе что-то до боли знакомое. Волосы. Очень старые, очень ухоженные волосы из бороды.

— Это Бородная Пряжа Подгорных Старцев, — пояснил Элариан, перехватив мой ошарашенный взгляд. — Гномы столетиями вычёсывают выпавшие волоски из бород своих праотцов и ткut из них полотно. Говорят, материя вбирает

грязь на уровне магии, хотя сама по себе совершенно не волшебная. Просто добротная ткань. А чтобы усилить свойства, каждую нить обвили тончайшей проволокой из лунного серебра. Гляди, как играет.

— Микрофибра, — хмыкнула я. — У нас такую из нефти делают. Но борода гнома в серебряной оплётке — пожалуй, экологичнее.

Принц не уловил сути про нефть, но на всякий случай покивал.

— Прапрадед, конечно, сразу же испробовал «Расчёску Прозрения» в деле, — продолжил он, криво усмехнувшись. — Хотел познать суть вещей, а познал суть боли. Борода намертво запуталась в серебряных нитях. Он орал так, что в подземельях эхо стояло до утра. Оказалось, гномы-рукоделы напутали с направлением ворса — вместо того чтобы скользить по волосу, зубья вгрызались в него мёртвой хваткой. С тех пор эту вещь перестали считать расчёской и зашвырнули в сундук. Маги тыкали в неё жезлами, проверяя на порталы. Королевы пытались чесать собак. Сапфиры тухли, волокна не шевелились.

Он перевёл дыхание и устался на мою швабру, прислонённую к стене. На всё ещё крепкий деревянный черенок, на котором держалась истрёпанная, но до боли родная насадка из микрофибры.

— Взгляни, Зарина. Крепление.

Я перевела взгляд со своей швабры на артефакт. То самое,

пластиковое, с защёлкой — «бабочка». На моей швабре оно было фабричным, земным. На артефакте — точь-в-точь такое же, только отлитое из серебра.

— Гномы не ведали, к чему это приладить, — прошептал принц. — А ты ведаешь.

Дрожащими пальцами я отстегнула свою старую насадку. Погладила истрёпанную микрофибру — «Спасибо, подруга, ты своё отслужила» — и отложила в сторону. Взяла из ларца холодную, переливающуюся серебром насадку с длинными пушистыми волокнами. Приложила к черенку. Защёлкнула «бабочку».

Щёлк.

Идеально. Будто здесь и было.

И в тот же миг сапфиры на набалдашнике вспыхнули ослепительным сиреневым светом. Черенок в моих ладонях нагрелся, завибрировал, и вырвался тоненький, ехидный, до глубины души возмущённый голосок:

— Слышь, женщина, полегче! У меня регламентированный перерыв! Четыре часа после каждого взмаха. Профсоюз магических орудий труда, статья семнадцатая, пункт четвёртый!

Челюсть у меня отвисла. Захлопнулась. Я медленно повернулась к принцу.

Элариан побагровел и уставился в потолок с таким усердием, словно там развернули карту сокровищ.

— Профсоюз? — выдавила я.

— Профсоюз! — отчеканила швабра. — Мы, магические артефакты, тоже обладаем правами! Право на отдых, право на почтительное обращение, право не пылиться в углу после использования! А ты меня даже не удосужилась представить! Просто «швабра, убери». Где пиетет к многовековой истории?!

Я смяла пальцами переносицу. В висках застучало.

— Уважение, — процедила я. — Хорошо. Будем знакомиться. Я Зарина. Уборщица. Тридцати лет от роду. Обожаю чистоту, порядок и терпеть не могу, когда топчутся по мокрому полу. А ты кто?

Швабра оторвалась от пола и исполнила изящный поклон. Честное слово, поклон. Черенок изогнулся, сапфиры подмигнули.

— Я — Лунная Прядь, Перекованная в Древо Очищения. В миру — просто Швабра.

Она вдруг замерла, сапфиры замигали часто-часто, будто моргая.

— Ого, — протянула она уже тише и с каким-то странным уважением. — Твой черенок... он помнит. Я это ощущаю. Крошки от печенья айтишников. Лужу под батареей в бухгалтерии. Тот случай, когда кто-то разлил кофе и не вытер. Три года ты возила мной по полу в мире без магии, и я впитала всё.

Я сглотнула. Швабра знала. Знала мою жизнь.

— А я, — продолжила она, — помню, как гномы плева-

ли на меня и обзывали «никчёмной тряпкой». Помню, как семьсот сорок три года провалялась в темноте и ждала. Ждала, когда кто-нибудь додумается, что я — не расчёска для бород, не подушка для медитаций, не лунный гребень. Я — инструмент. Настоящий. Рабочий. И вот явилась ты.

Сапфиры засветились мягко, почти ласково.

— Теперь мы — единое целое. Я храню память о твоём бизнес-центре, а ты — о моих семи веках одиночества. Чудно, да? Но... славно. Очень славно.

— погоди, — нахмурилась я. — Лунная Прядь? А Элариан упоминал, что твоя насадка из гномьих бород. Бородная Пряжа Подгорных Старцев. Где связь?

Швабра фыркнула, и сапфиры на набалдашнике вспыхнули возмущённым сиреневым.

— Тряпка — это расходник! — отрубила она. — Нынче основа из гномьей бороды, завтра эльфийский шёлк, послезавтра — чистое лунное серебро. Имя даётся, по сути, а не по тому, чем полы натирают. Моя суть — не только в дереве твоего черенка. Главная суть — в том, чем я была до того, как гномы нашли меня на поле Кровавого Утёса и, ничего не поняв, обозвали «расчёской». Прежде я служила метлой валькирии Сигрид. Она пала, метла разлетелась на части, а эту насадку подобрали гномы и вплели в неё бороды своих старцев, думая, что творят новое. А на деле — лишь разбудили то, что спало. Посему я — Лунная Прядь. И не смей путать высокое с тряпичным!

Принц, всё это время молча наблюдавший за нами, вдруг шагнул вперёд и выдохнул с благоговением:

— Дерево очищения... и Лунная Прядь... вместе они — Швабра Истины. Та самая, из пророчества.

— Швабра Истины? — переспросила моя новая старая подруга. — Звучит напыщенно. Но ладно. Сойдёт.

Она выдержала паузу, явно смакуя произведённый эффект, и заговорила вновь, уже более светским тоном:

— Лет мне семьсот сорок три. Прежде служила метлой валькирии Сигрид, павшей в битве у Кровавого Утёса. Обожаю полёты, на дух не переношу грязь и питаю слабость к хорошей полироли.

— Приятно познакомиться, — отозвалась я, сдерживая улыбку. — А теперь, Лунная Прядь, сделай одолжение, вымой пол. Он зарос грязью.

Швабра фыркнула.

— Пол? Этой микрофиброй? По этим булыжникам? Ты хоть представляешь, сколько стоит моя насадка? В ней лунное серебро! Ну... не только оно. Бородная Пряжа Подгорных Старцев — основа, это верно, но лунное серебро вплетено в каждую нить ради блеска и магической впитываемости! Её нельзя макать в обычную воду! Исключительно в родниковую, освящённую друидами! Или на худой конец в ту, где не плавают дохлые мухи!

— У меня вода из фонтана, — отрезала я. — Сойдёт.

— Из фонтана?! — голос швабры взвился до визга. — Где

плавают мушинные трупы и лепестки роз?! Ты рехнулась! Это испортит микрофибру!

— Микрофибра — она и в Аэлионе микрофибра, — отрубил я. — Не приступишь к работе — разберу. Сапфиры отколупаю и продам. Черенок пушу на топорище. А микрофибру — на тряпки для пыли.

Швабра оцепенела. Сапфиры погасли. Затем замигали часто-часто — видимо, просчитывала варианты.

— Ладно, — выдавила она наконец. — Но только полкомнаты. И мне положены выходные.

— Один выходной в неделю, — объявила я. — Вторник.

— Четверг! — взвилась швабра. — В четверг у меня свидание!

Я изумлённо вскинула брови.

— Свидание? С кем?

Швабра замялась, сапфиры мигнули розовым.

— Там... в одной из дальних кладовок, до которых ты ещё не добралась... есть одна метла. Берёзовая, с дубовым черенком. Я её ещё из сокровищницы чуяла, все семьсот лет. Мы с ней... ну, переглядывались. Через стены. Магия, чтоб её. А теперь, когда я обрела тело и голос... я хочу наконец познакомиться лично.

Я уставилась на неё. Потом на принца. Принц старательно изучал потолочные балки.

— То есть, — медленно проговорила я, — ты семь веков вздыхала по метле, которую даже не видела, и теперь требу-

ешь выходной, чтобы сходить на первое свидание?

— Ну... да, — сапфиры залились густым розовым. — А что такого? У артефактов тоже есть чувства! Между прочим, она единственная в этом замке, кто не пытался мной бороду чесать или пол подметать. Мы просто... чувствовали друг друга. Сквозь камень. Это трудно объяснить.

Я потёрла лоб. Господи, у моей швабры заочный роман с метлой из кладовки, который длится семь веков.

— Ладно, — выдохнула я. — Отработаешь — получишь свидание с метлой. Не отработаешь — знакомься с топором. По рукам?

Швабра помедлила. Затем вырвалась из моей хватки, описала круг под потолком, едва не сшибла люстру, плюхнулась в ведро и принялась яростно, с обидой, но весьма добротнo надраивать пол.

— Вторник, — бурчала она, елозя по камням. — Выходной во вторник. Кому нужен вторник? В четверг все приличные артефакты отдыхают. У меня свидание... Но нет, у нас график, видите ли...

Я опустилась на кровать и наблюдала, как волшебная швабра, ворча и поминая древне эльфийских богов, драит мою каморку. Принц застыл рядом с таким лицом, будто на его глазах детская мечта разбилась о суровую явь.

— Она... она трудится, — прошептал он.

— Трудится, — кивнула я. — Но с гонором.

— Я не подозревал, что у артефактов существует проф-

союз.

— Я тоже. Теперь буду в курсе.

Швабра завершила с полом, отжала сама себя (зрелище впечатляющее — микрофибра скрутилась в жгут и выплеснула воду напрямик в ведро), подплыла к стене и привалилась к ней, тяжело дыша.

— Всё, — выдохнула она. — Я вымотана. У меня выдался чудовищный день. Меня оскорбили, унизили и принудили трудиться сдохлыми мухами. Я требую возмещения.

— Какого? — уточнила я.

— Свидание с метлой. Сегодня. Сразу после захода солнца.

Я переглянулась с принцем. Тот лишь плечами пожал.

— Хорошо, — махнула я рукой. — Ступай. Но к рассвету будь на месте. Завтра у нас грандиозная уборка в обеденном зале.

Швабра радостно подпрыгнула, взмыла к окну, на миг замерла на каменном карнизе — и выскользнула наружу, в ночь. Лёгкая, бесшумная, она скользнула вдоль стены замка, как лунный луч по облаку. Лишь сапфиры сверкнули на прощание.

Я проводила её взглядом и повернулась к принцу.

— Элариан.

— Да?

— Благодарю за подарок. Она, безусловно, с причудами, но... это лучшая швабра в моей жизни.

Принц улыбнулся.

— Я знал, что она тебе подойдёт.

— А то, что она болтает и числится в профсоюзе, — это в порядке вещей?

— Честно? — он вздохнул. — Я вообще не догадывался, что она умеет говорить. Отец уверял, что это просто артефакт. Безгласный. Послушный.

— Ну, — я усмехнулась, — стало быть, в вашем семействе все артефакты с норовом. Просто с ними никто не беседовал.

Элариан задумался. Потом качнул подбородком.

— Вероятно, ты права. Мы привыкли, что вещи обязаны подчиняться. А они, выясняется, тоже жаждут, чтобы их слышали.

— Все жаждут, — пожала я плечами. — И вещи, и люди. И даже принцы.

Он вперил в меня долгий, изучающий взгляд. Затем улыбнулся — уже не парадной улыбкой, а истинной, тёплой.

— Доброй ночи, Зарина.

— Доброй ночи, принц.

Он вышел. Я притворила дверь, опустилась на кровать и уставилась в окно. Где-то там, в ночном небе, моя швабра мчалась на randevu с метлой, которую чуяла семьсот сорок три года.

Волшебный мир. Что тут скажешь.

Я легла на спину и уставилась в потолок. Паутину я там уже убрала — три дня назад, с табуретки, ворча под нос. Те-

перь потолок был просто потолком. Серым, каменным, холодным.

Вот значит, как оно бывает. Прочитала в детстве сто книжек про избранниц, которые попадают в другой мир. Там всегда было примерно одно и то же: принц на белом коне, платье на балу, и героиня страдает от любви где-нибудь в беседе. Томно так страдает. Красиво.

Я страдаю от того, что ведро протекает. И от того, что швабра потребовала выходной в четверг, а у меня на четверг запланирован большой зал. И от того, что местное мыло пахнет как смола и сало одновременно, и руки после него не отмыть.

Никакого белого коня. Есть принц — но он пришёл посидеть, понуть про меч и ушёл. Есть швабра — но она только что просочилась сквозь стену на свидание с метлой, которую любит семьсот лет заочно. Есть я. Лежу.

Хотя, если честно...

Я повернулась на бок. За окном было тихо, только факел в коридоре потрескивал. Три дня назад я сюда рухнула из ведра, мокрая и злая, и первым делом увидела паутину. Теперь паутины нет. Пол помыт. Замок потихоньку становится похож на место, где живут люди, а не хранят хлам.

И люди это замечают. Слуги начали подметать. Гномы заинтересовались мылом. Король ходит по своему замку и трогает стены руками — как будто заново знакомится. А принц приходит каждый вечер не потому, что так положено, а про-

сто так.

Я нужна. Не потому, что смена, не потому что Светка проверит по списку. Просто нужна.

Ведро можно починить. Это я умею. А вот это вот ощущение — оно или есть, или нет. Не починишь, не купишь, не выпросишь.

И оно, чёрт возьми, есть.

Я закрыла глаза.

Где-то за каменной стеной моя швабра летела на первое свидание за семь веков. Где-то шёл на покой принц, которому не нравится меч. Где-то капало моё протекающее ведро.

Я засыпала. Впервые за долгое время — без будильника на шесть утра.

Глава 5

Замок назывался Элдарион — так мне сказал Фолди ещё в первый день, между делом, пока я отскребала тронный зал. Сердце королевства Аэлион. Звучит величественно. Пахнет, правда, по-прежнему мышами.

Утро началось с того, что меня разбудил стук в дверь. Громкий, настойчивый, королевский. Я натянула халат, протёрла глаза и открыла. На пороге стоял Архимаг Фолди. Бледный, взъерошенный, с безумными глазами.

— Зарина! Беда!

— Какая? — я зевнула. — Опять кто-то наследил в тронном зале? Я же повесила табличку.

— Хуже! Прибывает эльфийская делегация! Через час!

— И что?

Фолди схватился за голову.

— Ты не понимаешь! Эльфы — они... они любят пыль! Они считают её священной! Пыльца фей, древние наслоения, аура веков — для них это святыни! А ты... ты всё вымыла!

Я окинула взглядом свои руки, Фолди и чистый коридор за его спиной.

— То есть, — медленно проговорила я, — они приедут и расстроятся, что у нас чисто?

— Именно! — Фолди чуть не плакал. — Они могут объ-

явить войну! Эльфы очень трепетно относятся к традициям. А традиция этого замка — вековая грязь. Ты уничтожила традицию!

Я вздохнула. Ну, конечно. В мире, где швабры состоят в профсоюзе, а зомби ходят в походы, эльфы просто обязаны были оказаться фанатами пыли.

— Бывает, — бросила я. — Разгребём. Где встречают делегацию?

— В тронном зале. Но ты туда не ходи! Умоляю! Спрячься! Я скажу, что ты... что ты уехала! Или заболела! Или умерла!

— Фолди, — я положила руку ему на плечо. — Успокойся. Я уборщица, а не диверсант. Я умею разговаривать с людьми. И с эльфами, наверное, тоже. Иди, готовь зал. Я скоро приду.

Фолди убежал, бормоча что-то про «конец дипломатических отношений» и «проклятие вечной чистоты».

Я закрыла дверь, умылась холодной водой из кувшина и потянулась было к старому синему халату, что висел на спинке стула. Три дня в нём — и ткань уже засалилась на локтях, а подол посерел от каменной пыли. Я вздохнула. Другой одежды нет. Придётся опять...

Три дня в одном халате — и локти залоснились, подол посерел. Дома я бы уже застирала: налила воды в таз, потёрла хозяйственным мылом, повесила сушиться на батарею. Квартирка-то была своя — мамина, в наследство досталась.

Одна комната, кухня с окном во двор. Стены родные, а вот денег на них вечно не хватало: то трубу прорвёт, то холодильник загудит. Я и не покупала ничего нового — donaшивала, застирывала, латала. Не от жадности. Просто привыкла, что новое — это «потом», а «потом» всё не наступало.

Здесь таза не было. И батареи. И мыла нормального.

Мой взгляд упал на свёрток, который я вчера бросила на сундук. Эльфийская ряса. Или плащ без капюшона. Или как там его. Я помялась, потом развернула. Ткань скользнула в руках, чистая, пахнувшая травами. Карманы манили глубиной.

— А, ладно, — пробормотала я. — Всё равно никто не отличит.

Надела. Застегнула мелкие пуговицы. Глянула в осколок зеркала, пристроенный на стене. Тёмно-синяя, с прямым покроем, до колен. Вылитый мой рабочий халат, только благородный. Я поправила воротник и усмехнулась.

— Халат он и в Аэлионе халат. Пусть даже эльфийский.

Взяла швабру и двинулась в тронный зал.

Швабра, кстати, вернулась под утро. Вся в паутине, с блаженно притухшими сапфирами и запахом свежего дерева. На мой вопрос «как прошло свидание» она отрезала коротко: «Не твоё дело», и я не стала допытываться. У каждого своя личная жизнь.

В тронном зале уже собрались все. Король восседал на троне с лицом человека, который ждёт визита налоговой.

Принц Элариан стоял рядом, наряженный в парадный костюм с золотым шитьём, и нервно теребил манжет. Фолди жался в углу и шептал защитные заклинания. Стража выстроилась вдоль стен, сверкая начищенными доспехами. Доспехи, кстати, я вчера лично протёрла от ржавчины. Бесплатно, между прочим. Из любви к порядку.

Я встала в сторонке, у колонны, и стала ждать.

Эльфы прибыли ровно в полдень.

Двери распахнулись, и в зал вплыли... да, именно вплыли, а не вошли. Трое эльфов. Высокие, стройные, с белыми волосами до пояса, в одеждах из переливающегося шёлка. У каждого — идеальное лицо, словно вырезанное из мрамора скачущим скульптором. Они двигались так, будто ступали по облакам, а не по каменному полу. И на их лицах застыло выражение глубочайшего, вселенского презрения ко всему сущему.

Главный эльф — видимо, посол — остановился в центре зала и обвёл помещение взглядом. Его ноздри дрогнули. Брови поползли вверх.

Самого Линдариэля я уже видела мельком — он наведывался в замок и раньше, ещё до меня, и считался тут чем-то вроде завсегдатая. А вот двое, что приплыли за ним, были при дворе впервые. Их-то лица и вытянулись сильнее всего.

— Что... что здесь произошло? — выдавил он голосом, в котором смешались ужас, отвращение и священный трепет. — Где пыль?

Король кашлянул.

— Уважаемый посол Линдариэль, мы... э-э-э... провели уборку.

— Уборку?! — эльф отшатнулся, как будто ему предложили съесть дохлую крысу. — Вы уничтожили вековые наслоения?! Пыльцу фей, которая оседала здесь со времён Первого Рассвета?! Ауру истории?!

— Ну, — король покосился на меня, — мы решили, что чистота — это...

— Чистота есть пустота! — перебил Линдариэль, и его голос зазвенел, как надтреснутый колокол. — А пустота суть погибель! Мы, Перворождённые, живём в ладу с естеством. Естество же не ведаёт чистоты. Лист падёт на землю и гниёт — и сие прекрасно. Паук плетёт паутину — и сие священно. Пыль оседает на вещах — и сие память веков. Вы же... вы стёрли всё! Уничтожили! Умертвили саму душу сих чертогов!

Он сделал драматическую паузу и прижал руку ко лбу. Двое других эльфов синхронно сделали то же самое. Видимо, этому их учили в эльфийских школах — падать в обморок от соприкосновения с реальностью.

Я отлипла от колонны и вышла вперёд.

— Прошу прощения, — громко объявила я.

Эльфы повернулись ко мне. Три пары идеальных глаз уставились на мою синюю рясу (халат, мысленно поправила я себя, халат), резиновые перчатки и швабру в руке.

— Кто это? — процедил Линдариэль таким тоном, будто увидел на ковре гусеницу.

— Я Зарина, — представилась я. Так, кто здесь все моет. Это я вымыла зал. И коридоры. И гобелены постирала. И паутину убрала.

Эльф побледнел. В прямом смысле — стал белее своих волос.

— Ты... ты стирала гобелены? Священные гобелены с историей Аэлиона?

— Там была кровь дракона и пятна от вина, — пояснила я. — Теперь они чистые. И видно, что на них нарисовано. Оказывается, там не только дракон, но и какие-то цветочки по краям. Красиво.

Линдариэль несколько раз беззвучно раскрыл и сжал рот, словно выброшенная на берег рыба. Из его горла вырвался сдавленный хрип.

— Цветочки... — прошептал он. — Она увидела цветочки...

Молодой эльф, тот, что стоял справа, вдруг выдохнул с благоговением:

— Воистину, она узрела цветочки на гобеленах. Никто из смертных не зрел их прежде. Сие есть... знамение.

— И паутину я убрала, — добавила я. — Там, в углах, жили пауки размером с мой кулак. Я их не убила, не волнуйтесь. Переселила в сад. Им там лучше — мух больше, воздух свежий. Чего им в замке задыхаться?

Второй эльф, тот, что стоял слева от посла, вдруг всхлипнул.

— Пауки... — выдавил он. — Священные пауки, которые жили здесь со времён Третьего Затмения... Она их переселила...

— В сад, — уточнила я. — Там розы, фонтанчик. Им понравится.

Третий эльф, самый молодой, вдруг шагнул вперёд. Он разглядывал меня не с презрением, а с любопытством.

— А правда, — полюбопытствовал он тихо, — что ты победила стражника шваброй за три удара?

— Правда, — подтвердила я. — Под колено, в горло, в затылок. Классика.

Эльф восхищённо выдохнул. Линдариэль метнул в него яростный взгляд, и тот отступил.

— Это... это возмутительно! — Линдариэль повысил голос. — Вы, люди, всегда были варварами! Но чтобы настолько! Уничтожить священную пыль! Переселить священных пауков! Увидеть цветочки на гобеленах! Это... это оскорбление эльфийской культуры!

— Послушайте, — я скрестила руки на груди. — Ваша культура — это жить в грязи и называть это гармонией? Ну, окей. Живите, как хотите. Но этот замок — не ваш лес. Тут живут люди. И они имеют право на чистоту. На то, чтобы не дышать пылью и не делить постель с пауками. Если вам нравится грязь — пожалуйста, вернитесь в свой лес и насла-

ждайтесь. А здесь — моя территория. И на моей территории будет чисто.

Линдариэль побагровел. Впервые на его идеальном лице проступили человеческие (точнее, эльфийские) эмоции.

— Ты... ты смеешь указывать нам?! Эльфам?! Первородённым?!

— Я не указываю, — я пожалала плечами. — Я информирую. В этом замке теперь действуют санитарные нормы. Хотите быть здесь гостями — соблюдайте. Ноги вытирайте. Пыль не разводите. И не обижайте пауков — они теперь в саду, им там хорошо.

Повисла тишина. Тяжёлая, звенящая. Король вжался в трон. Фолди, кажется, перестал дышать. Принц Элариан глядел на меня с таким выражением, будто я только что голыми руками задушила дракона.

Линдариэль медленно, очень медленно повернулся к королю.

— Ваше величество, — процедил он ледяным голосом. — Эта... женщина... оскорбила эльфийский народ. Мы требуем извинений. И немедленного восстановления священной грязи.

— Грязь не восстанавливается, — вставила я. — Она накапливается. Ждите лет пятьсот. Может, что-то нарастёт.

— Молчать! — взвизгнул Линдариэль.

— Сам молчать, — спокойно парировала я. — Ты в моём зале. Я тут полы мыла. Имею право голоса.

Эльф задохнулся от ярости. Он уже собирался открыть рот, чтобы выдать какую-то страшную угрозу (наверное, про «проклятие вечной чистоты»), но тут вперёд вышел принц Элариан.

— Уважаемый посол, — заговорил он мягко, но твёрдо. — Зарина — не просто уборщица. Она — Слуга Судеб. Та, что пришла с водой и деревом, согласно древнему пророчеству. Она спасёт Аэлион от Тьмы. И, возможно, её методы кажутся вам... непривычными. Но они работают. Замок стал чище. Воздух — свежее. Люди — счастливее. Разве это плохо?

Принц, я, моя швабра — Линдариэль растерянно окинул всех и всё, а на швабре задержался дольше всего.

— Это она — Слуга Судеб? — переспросил он недоверчиво.

— Да, — кивнул Элариан. — И она уже победила одного врага. Шваброй. За три удара.

Эльфы переглянулись. Молодой, тот, что спрашивал про драку, пялился на меня с откровенным восхищением. Второй всё ещё всхлипывал, вспоминая пауков. Линдариэль боролся с собой.

Наконец он выпрямился и произнёс:

— Хорошо. Мы... признаём твой статус, Слуга Судеб. Но мы не признаём твои методы. Эльфы не будут вытирать ноги. И мы не откажемся от священной пыли.

— Как хотите, — я пожала плечами. — Тогда вы будете жить в гостевом крыле. Там я ещё не убиралась. Там пыли

— на пятьсот лет. И пауки. И плесень. И что-то зелёное в углу, что я даже определять не стала. Вам понравится.

Линдариэль хотел что-то возразить, но молодой эльф вдруг схватил его за рукав и что-то зашептал на ухо. Посол нахмурился, потом кивнул.

— Мы принимаем твоё предложение, — выдавил он сквозь зубы. — Гостевое крыло. Но мы требуем, чтобы туда никто не входил с тряпками.

— Договорились, — бросила я. — Живите в грязи сколько влезет.

Эльфы удалились в гостевое крыло — единственное место в замке, куда я ещё не добралась. И, судя по их довольным вздохам, доносившимся из-за двери, там было достаточно «священной грязи» для полного счастья.

— Только учтите — если оттуда полезут тараканы, я их тоже переселю. В ваш багаж.

Эльфы переглянулись. Молодой прыснул в кулак. Линдариэль метнул в него убийственный взгляд.

— Мы удаляемся, — прошипел он. — Но этот разговор не окончен, Слуга Судеб.

— Конечно, не окончен, — я улыбнулась. — У меня ещё обеденный зал не домыт. Заходите вечером, поболтаем.

Эльфы развернулись и выплыли из зала. Молодой на выходе обернулся и едва заметно мне подмигнул. Я подмигнула в ответ.

Двери закрылись. Король выдохнул. Фолди сполз по сте-

не. Принц Элариан подошёл ко мне.

— Ты только что поставила на место эльфийского посла,
— проронил он тихо. — Это... это было великолепно.

— Я просто не люблю, когда мне указывают, как делать мою работу, — я поправила швабру. — И когда грязь называют священной. Грязь — это грязь. Хоть человеческая, хоть эльфийская.

Принц покачал головой.

— Знаешь, Зарина, я начинаю думать, что пророчество действительно о тебе. Ты спасаешь мир. Просто... по-своему.

— Мир спасают не мечом, — отозвалась я. — Мир спасают шваброй. И здравым смыслом. Ладно, пойду проверю гостевое крыло. Надо убедиться, что эльфам хватит грязи для счастья.

Я пошла к выходу. Швабра в моей руке тихо фыркнула:

— Эльфы. Тысячу лет живут, а ума не нажили. Грязь священная, видите ли. Тьфу.

— Не ругайся, — велела я. — У них культура такая.

— Культура — это когда чисто, красиво и пахнет лавандой, — отрезала швабра. — А это не культура. Это свинство, прикрытое красивыми словами.

Спорить я не стала. Из-за двери гостевого крыла тянуло сыростью и чем-то прелым — эльфы уже обживали свою «священную грязь». Я принялась, прикинула, куда поползёт этот запах к утру, и пошла за тряпкой затыкать щель под

дверью. На всякий случай.

Глава 6

Если вы думаете, что эльфы — это худшее, что может случиться с чистыми полами, то вы никогда не видели королевский пир.

Вечером того же дня, когда эльфы обживали гостевое крыло (и, судя по доносившимся оттуда вздохам «о, священная плесень!», были счастливы), король объявил праздник. По какому поводу? Да по любому. В Аэлионе, как я поняла, повод для пира находился всегда. День рождения кого-то из придворных. Годовщина победы над драконом. Четверг. Вторник. Наличие еды в кладовых.

Я стояла в углу обеденного зала, сжимая швабру, и смотрела на происходящее с ужасом, который испытывает только уборщица, видящая, как люди едят.

Зал был полон. Король восседал во главе стола. Рядом — принц Элариан, который выглядел так, будто его заставили прийти. Дальше — придворные, рыцари, какие-то лорды и леди в пышных нарядах. И орки. Да, орки тоже пришли. Грых, вожак оркской пятёрки, с которой я уже успела столкнуться в коридоре (они тогда чуть не разнесли мне ведро, но извинились и помогли собрать воду). Грых со своей пятёркой сидели в дальнем конце стола и уже успели что-то сломать — кажется, скамью.

На столе громоздились блюда. Жареный вепрь целиком, с

яблоком во рту. Горы куриных ножек. Пирог с неизвестной начинкой. Фрукты. Сыр, который пах так, будто его забыли убрать в погреб ещё при прошлом короле. И кувшины с вином. Много кувшинов.

И все это ели. Руками.

Я наблюдала, как лорд с пышными усами рвёт вепря пальцами, и жир течёт по его рукавам. Как леди в бархатном платье обсасывает куриную косточку и бросает её под стол. Как рыцарь вытирает руки о скатерть — о белую, между прочим, скатерть, которую я вчера лично отстирывала от предыдущего пира!

— Они животные, — прошептала швабра у меня в руке. — Хуже орков. Орки хотя бы честные — они знают, что свиньи, и не притворяются. А эти делают вид, что благородные.

— Молчи, — прошипела я. — Я пытаюсь не заплакать.

— Зря. Лучше бы ты их шваброй. По рукам. Чтоб не тянулись к скатерти.

— Я не могу бить гостей короля. Пока что.

— Жаль.

Пир продолжался. Чем больше гости пили, тем хуже становилось. Кто-то опрокинул кувшин с вином, и красная лужа растеклась по столу. Кто-то запустил куриной ножкой в шута, но промахнулся и попал в гобелен на стене. Не в тот, знаменитый, с драконом (тот висел в тронном), а в другой — с единорогом и ланями. Но и его я вчера натирала щёткой, сбивая пыль веков. Теперь на нём красовалось жирное пят-

но от куриной ножки.

Я закрыла глаза. Досчитала до десяти. Открыла.

Грых, орк-вожак, поймал мой взгляд и радостно помахал костью. Я помахала в ответ. Орки, кстати, вели себя приличнее всех. Они хотя бы ели аккуратно и кости складывали в кучку.

Король заметил моё лицо и виновато улыбнулся.

— Зарина! Присоединяйся к пиру! Ты заслужила отдых!

— Спасибо, ваше величество, — процедила я сквозь зубы.

— Я лучше постою. У меня аппетит пропал.

— Как знаешь! — он отсалютовал мне кубком и вернулся к веprю.

Принц Элариан подошёл ко мне. В руках у него был кубок и кусок пирога на тарелке.

— Ты весь вечер стоишь в углу, — проронил он тихо. — Поешь хотя бы. Вот, пирог с яблоками. Вкусный.

Мой взгляд пробежал по пирогу, задержался на принце и упёрся в жирное пятно на гобелене.

— Элариан, — выдохнула я. — Ты знаешь, сколько времени я вчера стирала этот гобелен?

Принц проследил за моим взглядом. Увидел пятно. Побледнел.

— Я... я сейчас уберу, — пробормотал он и потянулся к гобелену рукавом.

— Не трогай! — рывкнула я. — Только хуже сделаешь. Жир надо солью присыпать и оставить впитываться. А потом

стирать. Заново. Три часа.

Элариан отдёргнул руку и уставился на меня с виноватым видом пса, который нассал на ковёр.

— Прости. Я не знал.

— Все вы не знаете, — я вздохнула. — Ладно. Иди, ешь свой пирог. Я завтра всё уберу.

Принц отошёл, но пирог оставил на подоконнике рядом со мной. Я взяла его, откусила. Вкусный. С яблоками и корицей. Жаль, что его пекли, наверное, в печи, которую не чистили с прошлого века. Я мысленно добавила «чистка кухонной печи» в свой бесконечный список.

Пир тем временем достиг апогея. Кто-то затянул песню. Кто-то полез танцевать на стол. Кто-то упал со скамьи и уснул прямо на полу. Рыцарь, который кидался курицей, теперь пытался вызвать кого-то на дуэль, но его не слушали. Леди в бархате рыдала в углу — то ли от счастья, то ли от вина, то ли от того, что в её волосах запуталась кость.

Я смотрела на это и думала о доме. Там, в Москве, я пила чай из пластикового стаканчика в комнате без окон, и никто не замечал, живу я или нет. А здесь — шум, гам, идиотские выходки, и я часть этой нелепой, но живой жизни. Пусть даже в роли невидимки с тряпкой.

— У меня депрессия, — пожаловалась швабра. — Я хочу обратно в подсобку. Там хотя бы тихо и нет пьяных рыцарей.

— Потерпи, — велела я. — Скоро все нажрут и уснут. Тогда мы начнём уборку.

— Ночью?!

— Ночью. Пока они спят. Утром они проснутся в чистом зале и будут думать, что это магия.

— Это и есть магия, — проворчала швабра. — Магия под названием «уборщица, которая пашет, пока все дрыхнут». Самое древнее колдовство в мире.

Я не стала спорить.

Пир закончился далеко за полночь.

Последнего гостя — того самого рыцаря с курицей — вынесли слуги. Король уснул прямо на троне, и его тоже унесли. Принц Элариан ушёл сам, шатаясь и бормоча что-то про «гобелен и соль». Грых с орками ушли последними, аккуратно собрав свои кости в мешок и вынеся его во двор. Я мысленно поставила Грыху плюсик.

Зал опустел. Я осталась одна. Ну, почти одна — со мной была швабра, ведро, тряпки и целое море грязи.

— Ну что, подруга, — бросила я, закатывая рукава. — Приступим.

— Я ненавижу свою жизнь, — отозвалась швабра.

— Зато у тебя есть профсоюз. У меня даже такого нет.

— Вступи. Я договорюсь.

— Подумаю. А пока — работаем.

Я налила в ведро воды (на этот раз из колодца, а не из фонтана с мухами), добавила щепотку соли для жира, каплю уксуса для запаха и принялась за стол. Швабра, ворча и матерясь на древне эльфийском, взялась за пол.

Мы работали до рассвета.

Я оттирала жир со стола, снимала пятна со скатерти, выковыривала кости из щелей. Швабра летала по залу, выливая каждый угол. Мы не разговаривали — берегли силы. Только иногда швабра роняла что-то вроде «это не пятно, это преступление против человечества» или «если я найду того, кто бросил кость под трон, я ему черенком по почкам».

Когда первые лучи солнца пробились сквозь витражи, зал сиял. Пол блестел. Стол был чистым. Скатерть — белой, без единого пятнышка. Гобелен с единорогом я сняла и замочила в солёной воде, повесив сушиться на внутреннем дворе. В зале пахло уксусом, мылом и победой.

Я села на чистую скамью, вытерла пот со лба и оглядела дело своих рук.

— Красота, — выдохнула я.

И не пошевелилась. Просто сидела и смотрела, как расцвет ползёт по витражам — сначала серый, потом розовый, потом золотой. Свет дробился в чистых стёклах и стекал на отмытый пол тёплыми пятнами. Хорошо. Тихо. Заслуженно.

В бизнес-центре я тоже так сидела иногда. После смены, когда уже никого нет и можно на минуту остановиться. Смотришь на чистый пол, на стёкла без разводов, на урны без крошек от печенья — и чувствуешь что-то. Не гордость, нет. Скорее пустоту. Потому что через два часа они все придут, и не заметят. Пройдут по мокрому полу. Кинут стакан мимо урны. Оставят следы и не обернутся.

Там люди оставляли после себя следы, но не оставляли себя. Просто существовали и мусорили, как существуют и мусорят. Безлично. Я убирала за теньями.

Здесь было иначе.

Я посмотрела на стол, который только что оттирала час. Жир от вепря — Грых ел его руками и хохотал так, что дрожали факелы. Пятно от вина — лорд с пышными усами опрокинул кувшин, и оно разлетелось брызгами. Куриная кость в щели — та самая, которой кидались в шута и попали в го-белен.

Я всё это убрала. Но пока убирала — видела их. Живых, шумных, невозможных. Грязных в самом человеческом смысле слова.

Глупо, наверное. Но когда я оттираю жир с этой скатерти, мне кажется, что я убираю не бардак. Что-то ещё. Чью-то неловкость. Чью-то одинокую радость, которую человек залил вином, потому что не знал, куда её деть. Принца, которому скучно на собственном пиру. Орков, которые сложили кости в мешок и вынесли во двор, потому что не хотели доставлять хлопот.

И своё заодно убираю. Три года бизнес-центра. Холодильник, который гудит. Тишину в квартире после смены.

Вот сижу на чистой скамье на рассвете, руки красные от воды, спина гудит, — и мне легче, чем было давно.

— Красота, — согласилась швабра, приземляясь рядом. — Но, если сегодня они снова устроят пир, я уволюсь.

— Ты не можешь уволиться. Ты артефакт.

— Тогда я сломаюсь. Притворюсь. Буду хромать и ронять насадку.

— Не выйдет. Я тебя знаю. Ты слишком гордая, чтобы плохо работать.

Швабра помолчала.

— Ты права, — признала она наконец. — Я лучшая швабра в этом мире. И я не опозорюсь перед этими свиньями.

— Вот и молодец. А теперь пошли спать. У нас есть пара часов до того, как они проснутся и всё испортят.

Я встала, взяла швабру и побрела в свою башню. В коридоре мне встретился слуга — молодой парнишка, который тащил кувшин с водой. Увидев меня, он замер и вытаращил глаза.

— Госпожа Зарина! Вы... вы что, всю ночь убирались?

— Да, — подтвердила я. — А что?

— Но... зачем? Ведь сегодня снова будет пир!

Я остановилась. Медленно повернулась к нему.

— Что ты сказал?

— Пир, — парнишка сглотнул. — Король объявил, что праздник будет три дня. Сегодня второй день.

Я закрыла глаза. Где-то в глубине души что-то хрустнуло.

— Я убью их, — прошептала швабра. — Я убью их всех. И начну с короля.

— Тише, — осаждала я. — Мы профессионалы. Мы справимся.

— Как?!

Я открыла глаза и посмотрела на парнишку.

— Как тебя зовут?

— Том, госпожа.

— Том, беги на кухню. Скажи повару, что, если сегодня кто-то бросит кость под стол, я лично приду и вымою кухню. Всю. Включая печь. Понял?

Том побледнел, кивнул и убежал. Я повернулась к швабре.

— А мы идём спать. Вечером у нас второй раунд.

— Я хочу назад в бизнес-центр, — простонала швабра. — Там хотя бы айтишники крошки за собой убирали. Иногда.

— Поздно, — я усмехнулась. — Мы в Аэлионе. И мы его отмоем. Чего бы это ни стоило.

Швабра вздохнула так тяжело, что сапфиры на набалдашнике потускнели. Но ничего не добавила. Мы пошли спать.

Днём, когда я наконец выпалась после ночной уборки, я спустилась в подвал к гномам. Точнее, в их кузню — они обустроили её в старом винном погребе, и оттуда вечно валил дым и слышался перестук молотов.

В прошлый раз, когда я заходила к ним с ведром и мочалкой, они смотрели на моё жидкое мыло как на величайшее чудо. Особенно старый гном по имени Дорин — седой, с обожжёнными руками и вечно прищуренными глазами. Он тогда долго вертел флакон, нюхал, капал на палец, тёр и бормотал: «Жир, щёлочь, отдушка... Хитро. Очень хитро. Но можно лучше».

И вот теперь, когда я вошла в кузню, Дорин аж подпрыгнул от радости.

— Слуга Судеб! — заорал он, размахивая каким-то брусом. — Гляди! Мы сделали!

Он сунул мне в руки брусок. Тёмно-зелёный, с вкраплениями чего-то блестящего. Я поднесла к носу — пахло хвоей, дымом и чем-то свежим, вроде мяты.

— Мыло? — уточнила я.

— Не просто мыло! — Дорин аж задохнулся от возмущения. — Это гномье банное мыло! Состав: жир горного козла, щёлок из золы Белого Древа, эссенция хвойной смолы и капля толчёного лунного камня. Для блеска. Не просто моет — очищает ауру! И кожу! И даже совесть, если сильно тереть!

Я повертела брусок в руках. Тяжёлый, гладкий, пенится, наверное, как бешеный.

— А это что? — я указала на другой брусок, светло-жёлтый, лежавший на верстаке.

— А это экспериментальное, — Дорин понизил голос. — С добавлением пыльцы фей. Эльфы, когда узнали, что мы делаем мыло, чуть в обморок не упали. Сказали, что пыльца — священная. А я им говорю: «Священная пыльца должна пахнуть и приносить пользу, а не лежать в углу мёртвым грузом». Они обиделись. Но пыльцу дали. Понюхай.

Я понюхала. Пахло мёдом, летним лугом и чем-то неуловимо эльфийским — будто сама природа решила помыться.

— Сколько? — спросила я.

— Тебе — бесплатно, — отмахнулся Дорин. — Ты нам идею дала. Мы теперь это мыло по всему Аэлиону продавать будем.

Дорин протянул мне небольшой брусок в тряпице. — Дорожное. С хвоей и лунным камнем. Не размокает, пенится даже в холодной воде и отпугивает нежить. Ну, теоретически. Мы не проверяли. Но пахнет хорошо.

Я взяла брусок, сунула в карман рясы. Пригодится.

— Спасибо, Дорин. Заходи, если что. Я в башне.

— Зайду! — пообещал он. — И ты заходи. Будем делать мыло от проклятий.

Я вышла из кузни, сжимая в кармане брусок гномьего мыла. Пахло от меня теперь хвоей и дымом. Как от целого леса. Но это было приятно. Лучше, чем дохлые мухи из фонтана.

Глава 7

После второго дня пира я была готова убивать.

Нет, серьёзно. Если бы мне дали выбор — вымыть обеденный зал после третьего дня пира или сразиться с Тёмным Властелином голыми руками, я бы выбрала Властелина. С ним хотя бы всё понятно: победил — и свободен. А с пиром — это бесконечный круг ада. Жир, кости, вино, пятна, идиотские песни и рыцари, которые считают, что скатерть — это салфетка.

Но на третий день случилось чудо. Король объявил, что пир переносится. Почему? Потому что прибыл гонец с Севера с новостями: армия нежити движется к замку. Будет через два дня.

Все запаниковали. Кроме меня. Я выдохнула.

— Два дня без пира, — прошептала швабра с благоговением. — Это лучший подарок, который мог сделать Тёмный Властелин.

— Не каркай, — буркнула я. — Напророчишь.

Но в глубине души я была с ней согласна.

На совете, который собрали в тронном зале (чистом, между прочим, благодаря мне), решали, что делать. Маги предлагали фаерболы. Рыцари — конную атаку. Эльфы — медитацию и принятие неизбежного. Принц Элариан молчал и

сверлил взглядом каменные плиты.

Король развернулся ко мне.

— Зарина. Ты — Слуга Судеб. Что скажешь?

Все уставились. Я торчала в углу со шваброй и чувствовала себя как на родительском собрании, куда вызвали, потому что ребёнок разбил окно.

Странное это было чувство. Дома меня замечали, только когда я что-то не домыла. А тут — король, маги, рыцари, и все ждут, что я скажу. Всерьёз. Будто моё слово что-то решает. От этого было не гордо, а почему-то страшнее, чем от любой армии мертвецов. К зомби хоть знаешь, с какой стороны подойти со шваброй. А к тому, что тебя впервые в жизни слушают, — поди подступись.

— Я скажу, — медленно процедила я, — что у нас есть проблема поважнее армии нежити.

— Какая?! — грянуло хором.

— Восточное крыло. Там живут орки. И там такой свинарник, что ваша армия нежити покажется цветочками.

Повисла пауза. Король кашлянул.

— Э-э-э... Зарина, мы говорим о судьбе королевства, а ты — о грязи?

— Я всегда говорю о грязи, — отрубил я. — Потому что грязь — это начало всех проблем. Хотите победить нежить? Начните с порядка в собственном доме. Орки — сильные бойцы. Если они будут жить в чистоте, они будут лучше сражаться. Это факт.

— Она права, — неожиданно подал голос Грых. Он торчал у дверей — орков на совет, конечно, не позвали, но Грых припёрся сам. — В чистоте лучше думается. И кости не теряются.

Король потёр переносицу.

— Хорошо. Зарина, займись Восточным крылом. У тебя два дня. Если успеешь навести там порядок до прихода нежити — получишь премию.

— Какую?

— Золото. Много золота.

— Идёт, — я развернулась и двинулась к выходу. — Грых, за мной. Будем играть.

Орк радостно зарычал и зашагал следом.

Восточное крыло встретило меня запахом. Я даже не буду описывать этот запах подробно, потому что у вас пропадёт аппетит на неделю. Скажу только: там пахло так, будто кто-то умер, воскрес, снова умер, и всё это время его не выносили.

Пол покрывал слой грязи толщиной в палец. На стенах — подозрительные потёки. В углах — горы костей, огрызков и чего-то зелёного, что, кажется, шевелилось. Сами орки расселись на куче соломы (или того, что когда-то было соломой) и резались в кости. Завидев меня, они заулыбались.

— Женщина-с-тряпкой! — радостно заорал один. — Пришла убирать?! Мы намусорили!

— Вижу, — хмыкнула я, оглядывая помещение. — Вы

не намусорили. Вы создали новую экосистему. Тут скоро разумная жизнь зародится.

Орки не поняли сарказма. Они вообще понимали только прямое насилие, громкие звуки и еду. Грых приблизился и гордо стукнул себя в грудь.

— Грых сильный! Грых много ест! Грых много мусорит!

— Заметно, — вздохнула я. — Ладно, парни. Убираться будем?

Орки переглянулись. Потом дружно замотали головами.

— Уборка — скучно! — выдал один.

— Уборка — для слабых! — добавил второй.

— Уборка — невкусно! — подытожил третий.

Я ожидала этого. Заставить орка убираться — всё равно что заставить кота принимать ванну. Теоретически возможно, но проще сжечь дом и построить новый. Поэтому я пошла другим путём.

— А кто сказал про уборку? — я растянула губы в улыбке.

— Мы будем играть.

Глаза орков загорелись. Слово «игра» они любили почти так же, как слово «жрать».

— Игра?! Какая игра?!

— Называется «Субботник». Правила простые. Делитесь на две команды. Я даю вам мешки. Кто за полчаса соберёт больше мусора, получает приз.

— Какой приз?! — Грых аж подался вперёд.

— Бочка пива. Эльфийского. Светлого. Холодного.

Орки замерли. В их маленьких глазах закрутились шестерёнки мысли. Пиво. Соревнование. Физическая активность. Всё, что они любили, в одном флаконе.

— Бочка?! — выдохнул Грых.

— Бочка, — кивнула я. — А для капитана победившей команды — особый приз. Он сможет поддержать мою швабру.

Швабра в моей руке вздрогнула.

— Что?! — прошипела она. — Меня?! Этому зелёному?!

— Тихо, — шепнула я. — Это мотивация. Потерпишь.

Грых пожирал швабру глазами. Для орков, которые видели, как я этой шваброй уложила стражника, она была легендарным оружием. Поддержать её — всё равно что поддержать Экскалибур.

— Грых будет держать швабру! — взревел он. — Грых победит!

— Нет, я! — заорал второй орк.

— Я!

— Я!

Через пять минут Восточное крыло напоминало муравейник, в который бросили сахар. Орки, рыча и толкаясь, рвались в бой. Я быстро поделила их на две команды — «Зелёные» и «Ещё зеленее» (названия придумали сами), выдала мешки из-под зерна и показала, что собирать: кости, огрызки, тряпки, солому, подозрительные зелёные штуки.

— Всё, что не прибито к полу, — в мешок! — скомандовала я. — Если прибито — оторвать и в мешок! Поняли?!

— Поняли!!! — взревели орки.

— На старт! Внимание!

СУББОТНИК!

И они ринулись.

Это было великолепно.

Орки носились по крылу, как ураган. Кости летели в мешки с такой скоростью, что я едва успевала считать. Один орк, по кличке Морда, пытался запихнуть в мешок целую скамью, но я остановила — скамья ещё пригодится. Другой, по кличке Клык, собирал мусор ртом, потому что руки были заняты. Грых трудился как экскаватор — сгребал всё подряд и утрамбовывал ногами.

Через пятнадцать минут я поняла, что надо добавить правило.

— Стоп! — гаркнула я. — Мусор должен быть в мешках! Не в животах! Клык, выплюнь кость!

Клык нехотя выплюнул. Кость, обслюнявленная, отправилась в мешок.

— Субботник! — радостно заорал он и понёсся дальше.

Через полчаса Восточное крыло сделалось неузнаваемым. Пол — чистый. Углы — пустые. Зелёные штуки — в мешках. Я даже не стала выяснять, что это было. Главное — их больше нет.

Орки выстроились в ряд, тяжело дыша и сияя. У ног каждой команды громоздилась куча мешков. Я обошла строй, посчитала.

— «Зелёные» — двенадцать мешков. «Ещё зеленее» — четырнадцать. Победили «Ещё зеленее»!

Грых, капитан «Ещё зеленее», взревел от счастья так, что с потолка посыпалась штукатурка. Я поморщилась и мысленно добавила в список «побелка потолка в Восточном крыле».

— Бочка пива — ваша, — объявила я. — И особый приз. Грых, иди сюда.

Орк приблизился, дрожа от волнения. Я протянула ему швабру. Он принял её так осторожно, будто это была новорождённая бабочка. Швабра в его лапах смотрелась как зубочистка.

— Грых держит Швабру Истины, — прошептал он с благоговением. — Грых — великий воин.

— Я сейчас лопну от унижения, — прошелестела швабра.

— Терпи, — отозвалась я шёпотом. — Десять секунд.

Грых подержал швабру, бережно погладил черенок (швабра вздрогнула и, кажется, покраснела сапфирами) и вернул мне.

— Спасибо, женщина-с-тряпкой, — выдал он. — Грых счастлив.

— На здоровье, — я улыбнулась. — А теперь — все мыть руки. С мылом. И пить пиво.

Орки радостно ломанулись к бочке, которую уже вкатывали слуги. Я осталась в чистом крыле, оглядывая результат. За полчаса. Без скандалов, без драк (ну, почти без драк), без

принуждения. Игра. Мотивация. Приз.

— Ты унизила высокое искусство уборки, — проворчала швабра. — Превратила его в плебейское развлечение.

— Зато чисто, — фыркнула я. — И орки счастливы.

— Они теперь будут мусорить специально, чтобы снова играть.

— Не будут, — я мотнула головой. — Я им пообещала, что десять побед в Субботнике — и они получат губки для посуды. Будут мыть ещё и кухню.

Швабра умолкла. Сапфиры медленно мигнули.

— Ты... ты чудовище, — выдохнула она наконец. — Гениальное, но чудовище.

— Просто люблю чистоту, — пожалала я плечами и кинула ей запасную тряпку. — Держи, коллега. И не подлизывайся, полироль всё равно по графику.

Я двинулась к выходу. Впереди маячил ещё целый день. Надо было проверить гобелен (отмок ли?), составить график дежурств для орков (пусть сами следят за чистотой в своём крыле) и подготовиться к завтрашнему дню. Потому что завтра к замку подойдёт армия нежити.

Орки уже точили вёдра. Гномы спорили о концентрации мыла. А я смотрела на закат и думала, что две тысячи ходячих покойников — это, по сути, просто очень большой и очень неопрятный беспорядок. А беспорядок я убирать умею.

Глава 8

Если вы думаете, что самое тихое время в замке — это утро после оркского Субботника, то вы никогда не слышали, как орёт дозорный, когда у него с башни открывается вид на две тысячи ходячих покойников.

Я как раз намыливала Швабру после вчерашнего. Она, пользуясь случаем, ворчала без остановки: «Меня трогали зелёными лапами, на меня дышали пивом, мою микрофибру чуть не облизывали — и всё ради чего? Ради какой-то бочки!» Я слушала вполуха и думала, что надо бы наконец выбить у короля нормальный инвентарь, а не эту ржавую лохань для воды, когда с улицы донёсся вопль.

Даже не вопль. Вой. Надрывный, с подвыванием, будто кого-то резали тупым ножом и одновременно душили.

Я отложила тряпку и выглянула в окно. По двору бежал стражник — молодой, белобрысый, которого я на прошлой неделе заставила вытереть ноги перед входом в караулку. Он размахивал руками и орал так, что эхо гуляло между башнями:

— АРМИЯ НЕЖИТИ! У ВОРОТ! ДВЕ ТЫСЯЧИ! ВСЕМ СПАСАТЬСЯ!

Швабра перестала ворчать.

— Две тысячи? — переспросила она деловым тоном. — Это много или как?

— Для уборки — средне, — машинально ответила я и потянулась за халатом.

— Пошли, посмотрим.

На крепостной стене уже толпился весь цвет аэлионской аристократии. Король стоял у зубца, вцепившись в камень побелевшими пальцами. Архимаг Фолди суетился рядом, шептал защитные заклинания и ронял свитки. Принц Элариан, в начищенных до блеска сапогах (моя работа, между прочим), пытался придать лицу героическое выражение, но получалось скорее «я сейчас упаду в обморок, но красиво». Эльфийская делегация в полном составе медитировала на безопасном расстоянии от края, синхронно прикрыв глаза и делая вид, что их это не касается.

Я протиснулась между рыцарем в полном доспехе (он дрожал так, что кольчуга звенела) и гномом-кузнецом, который мрачно точил топор.

Глянула вниз.

Поле перед замком кишело.

Две тысячи — не две тысячи, считать я не стала, но много. Очень много. Зомби шатались, натыкались друг на друга, роняли конечности и издавали звук, похожий на коллективное мычание коров, которых забыли покормить неделю назад. Вонь поднималась такая, что даже эльфы перестали медитировать и зажали носы.

— Мы обречены, — выдохнул Фолди, прижимая к груди амулет. — Портальная магия не поможет, фаерболов не хватает, рыцарей слишком мало...

— Надо принять неизбежное, — изрёк эльфийский посол, не открывая глаз. — Всё сущее возвращается в землю, и сие есть круг жизни.

— Я поведу атаку! — Элариан выступил вперёд, чуть не поскользнувшись на голубином помёте. — Мы ударим конницей, потом спешимся и...

— И вас сожрут, — перебила я. — Причём даже не заметят, что вы там были. Просто пройдут по вам и пойдут дальше.

Принц осёкся и уставился на меня с обидой.

— И что ты предлагаешь? — спросил король, не отрывая взгляда от надвигающейся массы мертвецов. — Сдаться?

— Я предлагаю убраться.

Повисла пауза. Даже зомби внизу, кажется, притихли.

— Убраться? — переспросил Фолди с таким лицом, будто я предложила ему съесть дохлую крысу. — Ты хочешь... вымыть их?

— Нет. Вымыть не получится, — я оперлась на Швабру и прищурилась, разглядывая поле. — Но собрать, упаковать и вывезти за холмы — вполне. Это просто ходячий мусор. Грязный, вонючий, разлагающийся. Его нужно утилизировать.

— Это армия Тёмного Властелина! — взвизгнул эльфий-

ский посол, наконец открыв глаза. — Древнее зло! Нельзя просто так взять и...

— Можно, — отрезала я. — Грых!

Грых, который уже стоял у подножия стены и с вожделем смотрел на поле, мгновенно вскинул голову.

— Грых здесь!

— Зови своих. Будет новый Субботник.

Орк расплылся в такой счастливой улыбке, что у стоявшего рядом рыцаря чуть шлем не треснул от ужаса.

— Зомби-субботник! — взревел Грых и побежал к Восточному крылу, грохоча сапогами. — Грых соберёт всех! Грых упакует всех!

Через пятнадцать минут во дворе замка выстроилась вся оркская бригада. Они притащили с собой мешки из-под зерна, верёвки, грабли и одну бочку пива — «для мотивации», пояснил Грых. Я не спорила.

Швабра в моей руке дрожала от возмущения.

— Только не говори, что меня опять разыграют как приз, — прошипела она.

— Тебя не разыграют, — успокоила я. — Ты будешь почётным участником. Покажешь, на что способна.

— Я способна мыть полы родниковой водой, освящённой друидами! — взвилась Швабра. — А не лупить гнилых покойников по башке!

— Значит, сегодня расширишь профессиональные компе-

тенции. В резюме потом запишешь: «Опыт работы с нестандартными загрязнениями».

Швабра замолчала. Сапфиры на набалдашнике замигали часто-часто — она просчитывала, можно ли будет потом требовать надбавку за вредность.

Элариан подошёл сбоку, стараясь держаться подальше от Грыха, который вдохновенно раздавал оркам верёвки и орал: «Вязать крепко! Чтобы не вылезли! Как в прошлый раз с тем эльфом!»

— Зарина, — начал принц, теребя манжет. — Я понимаю, ты привыкла решать всё... нестандартно. Но это же зомби. Они опасны. Может, всё-таки позволишь мне возглавить атаку? Я готов.

Я окинула его взглядом. Безупречный костюм, идеальные волосы, сапоги, которые он даже не запылил. И глаза — честные, испуганные, но упрямые.

— Элариан, — сказала я мягко. — Твоё желание похвально. Но если ты выйдешь туда в этих сапогах, я тебя сама убью. Потому что отмывать их потом от зомбиной слизи — это три часа работы.

Принц моргнул.

— То есть... дело только в сапогах?

— И в том, что ты не умеешь вязать узлы. Грых, покажи принцу, как затягивать «оркскую петлю».

Грых радостно оскалился и протянул Элариану верёвку. Принц побледнел, но взял. Швабра фыркнула:

— Он ещё и верёвки вязать будет. Королевское образование, чтоб его.

Я улыбнулась и повернулась к воротам.

— Ладно, банда. Правила простые. Цель — не убивать. Они и так мёртвые. Цель — обездвигить, связать, упаковать в мешок. Кто соберёт больше — получает бочку пива. И особый приз. Право поддержать Швабру Истины.

— Я подам жалобу в профсоюз, — прошипела Швабра.

— Подашь после победы, — отрезала я. — А пока работаем.

Грых взревел, орки зарычали, и ворота замка медленно поползли вверх. За ними, шатаясь и мыча, надвигалась армия Тёмного Властелина.

Я поправила халат, перехватила Швабру поудобнее и шагнула вперёд.

— Поехали, подруга. У нас генеральная уборка.

Глава 9

Ворота распахнулись, и орки ринулись вперёд с радостным рёвом, от которого у меня заложило уши. Грых бежал первым, размахивая мешком, как боевым знаменем. За ним — Клык, Морда и ещё десяток зелёных парней, которые ещё вчера вылизывали Восточное крыло до блеска, а сегодня до-рвались до «подвижных мишеней».

Я осталась на стене. Не из трусости — из профессионального интереса. Сверху лучше видно, кто как работает и где нужно подправить тактику.

Первая волна зомби столкнулась с орками, и началось то, что я про себя окрестила «клининг в полевых условиях».

Клык налетел на тощего мертвеца в рваном саване, одним движением заломил ему руки за спину и принялся обматывать верёвкой. Зомби замычал, попытался укусить, но челюсть у него отвалилась и повисла на сухожилии. Клык, не растерявшись, сунул челюсть в мешок, а следом — и самого хозяина.

— Твоё — не бросай! — рявкнул он и побежал дальше.

Морда в это время боролся с зомби потолще. Тот оказался на удивление крепким — видимо, при жизни хорошо питался. Морда пыхтел, пытаясь накинуть мешок ему на голову, но зомби уворачивался с неожиданной для покойника ловкостью. Тогда Морда плюнул, обхватил его обеими руками,

поднял и просто запихнул в мешок целиком. Мешок затрепал, но выдержал.

— Грых! — заорал Морда. — Этот жирный! Считается за два?

— Считается за полтора! — проревел Грых, не оборачиваясь. Он в этот момент вязал сразу троих, используя одну длинную верёвку и какую-то хитрую оркскую петлю, которой его научила ещё бабушка. Зомби дёргались, мычали, но вырваться не могли.

Я перевела взгляд на левый фланг. Там орк по кличке Ржавый пытался упаковать зомби, у которого не было левой руки. Точнее, рука была — она лежала на земле в трёх шагах и шевелила пальцами. Ржавый поднял её, покрутил и засунул в мешок.

— Рука твоя, — пояснил он зомби. — Пригодится.

Зомби в ответ только замычал, но, кажется, был благодарен.

Я усмехнулась и покосилась на Швабру. Она лежала у меня в руках, нарочито расслабленная, но сапфиры на набалдашнике горели ярче обычного. Переживала. Я её понимала — профсоюз профсоюзом, а когда на твоих глазах твои же коллеги-орки вяжут мертвецов, хочется показать, что ты тоже не лыком шита.

— Ну что, подруга, — шепнула я, поглаживая черенок. — Может, покажешь им, что такое настоящая уборка?

— Я не «подруга», — процедила Швабра, но сапфиры

мигнули розовым. — И я не собираюсь марать микрофибру об этих... этих...

— Обещаю, — перебила я. — Если ты сейчас спустишься и поможешь, я лично куплю тебе полироль с ароматом лаванды. Настоящую. Из лавки гномов-артефакторов. Слышала, у них новая партия.

Швабра замерла. Сапфиры погасли, потом вспыхнули с утроенной силой.

— Лаванда? — переспросила она дрожащим голосом. — Та самая, с маслом лунного цветка?

— Она самая. Идёт?

Швабра вырвалась из моих рук, взмыла в воздух и, описав круг над моей головой, спикировала вниз с воплем:

— ДОРОГУ АРТЕФАКТУ!

Честно? Я ожидала, что она просто будет летать и создавать видимость работы. Но Швабра, видимо, решила отработать лавандовую полироль по полной.

Первого зомби она снесла ударом черенка под колено. Классика. Тот рухнул как подкошенный, и Швабра, не сбавляя скорости, хлестнула его микрофиброй по затылку.

— Лежать! — рявкнула она. — Ты на мокром полу!

Зомби, к его чести, попытался встать, но Швабра уже была над ним и добавила ещё раз. С оттягом. Зомби затих.

Второго она атаковала с воздуха. Разогналась, зашла со

спины и со всего маху врезалась набалдашником в поясницу. Зомби сложился пополам и уткнулся лицом в траву. Подоспевший орк радостно завязал ему руки и поволок к куче мешков.

— Швабра Истины! — восхищённо выдохнул кто-то из орков. — Швабра Истины дерётся!

— Я не дерусь! — проорала Швабра, уворачиваясь от цепких пальцев очередного мертвеца. — Я провожу санитарную обработку! Не путать!

Третий зомби попытался схватить её за черенок. Швабра взвизгнула, вывернувшись и с разворота заехала ему микрофibrой по лицу. Звук был такой, будто мокрой тряпкой шлёпнули по столу.

— Руки прочь! — взвизгнула она. — Я стерильная! У меня аллергия на мертвечину!

— У тебя нет аллергии, — крикнула я со стены. — Ты артефакт!

— Психологическая аллергия! Я буду чихать сапфирами! Я рассмеялась. Внизу, на поле, орки уже почти закончили с первой волной. Зомби, которые ещё пять минут назад представляли угрозу, теперь лежали связанными кучками, и орки деловито рассовывали их по мешкам. Грых руководил процессом, размахивая верёвкой и периодически пиная тех мертвецов, которые пытались шевелиться.

— Не дёргаться! — рычал он. — Субботник — это дисциплина!

Всё шло по плану. Ровно до того момента, как из-за холма не вышел он.

Зомби-тролль.

Огромный. Выше Грыха на две головы. С серой, бугристой кожей, поросшей мхом, и единственным глазом, который горел мутным зелёным огнём. В руке он волок здоровенную дубину — вырванное с корнем дерево, судя по виду. Шёл медленно, но каждый шаг отдавался глухим ударом, и земля дрожала.

Орки замерли. Даже Грых перестал орать и уставился на тролля с уважением.

— Грых, — позвала я, свешиваясь со стены. — Этот в мешок не влезет. У нас есть мешок побольше?

— Нету, — честно ответил Грых. — Грых может связать. Но нужна помощь.

Я перевела взгляд на Швабру. Она висела в воздухе метрах в трёх от тролля и, кажется, прикидывала, сколько лавандовой полироли можно требовать за такой подвиг.

— Швабра, — крикнула я. — Этот — твой. Сделаешь красиво — получишь ещё и масло для черенка. С ароматом сандала.

Швабра развернулась ко мне. Сапфиры полыхнули алым.

— Ты мной торгуешь? — возмутилась она. — Как на рынке?

— Я тобой горжусь, — поправила я. — Давай, подруга. Покажи, что такое Лунная Прядь.

Швабра замерла на секунду. Потом медленно, очень медленно развернулась к троллю. Тот как раз заметил её и замахнулся дубиной.

— Ну, держись, — прошептала Швабра. — С доставкой на пол.

Она рванула вперёд.

Троль ударил. Дубина просвистела в воздухе, но Швабра ушла в сторону, едва не чиркнув микрофиброй по его уху. Троль зарычал, развернулся, замахнулся снова. Швабра взмыла вверх, и дубина прошла под ней.

— Медленный, — прокомментировала она сверху. — Как половая тряпка после стирки.

Троль, кажется, обиделся. Он задрал голову, открыл пасть и заревел. Вонь от его дыхания ударила даже до меня, на стену.

Швабра не стала ждать. Она сложилась в воздухе, наклонила черенок и спикировала вниз, целясь точно в лоб тролля. Набалдашник с сапфирами встретился с серой кожей, и раздался звук — глухой, мощный, как будто арбуз уронили на бетон.

Троль покачнулся. Дубина выпала из его рук. Он сделал шаг назад, ещё один, а потом рухнул на спину, подняв тучу пыли.

Орки взревели.

Швабра, слегка пошатываясь в воздухе, отлетела в сторону и зависла над поверженным троллем.

Я уже собиралась спускаться со стены, когда Швабра дёрнулась.

— Погоди, — прошелестела она. — Там осталось.

Я прищурилась. Поле внизу казалось чистым — орки выгребли даже обломки стрел, зомби были связаны и рассованы по мешкам. Но Швабра уже сорвалась с места, не дожидаясь моего «давай». Она рванула над полосой примятой травы, где ещё полчаса назад стенка на стенку сошлись зомби и орки, и зависла в трёх метрах от земли. Серебристые волокна её микрофибры засветились — не ярко, а так, будто внутри каждого волоска зажгли по крошечной лампочке.

— Лунная Прядь выходит на финишную, — буркнула она себе под нос. И понеслась.

Я не сразу поняла, что она делает. Швабра не вытирала — она втягивала. Как пылесос, только без шума и дурацких насадок. Микрофибра мягко касалась земли, и с каждым прикосновением от травы поднималась серая дымка — не пыль, не туман, а что-то тяжёлое, маслянистое, что до этого момента я и не замечала. Магический осадок. Остатки той самой скверны, которая поднимала мертвецов из могил.

Дымка скручивалась в тонкие жгуты и втягивалась в волокна, как вода в песок. Сапфиры на набалдашнике мигнули — раз, другой, третий — и засветились ровным, спокойным золотом.

— Она... что, чистит поле? — выдохнул Элариан, подошедший ко мне на стену.

— Полирует, — поправила я. — У неё профсоюз. И перфекционизм.

Швабра тем временем прошла над каждой пяди земли, где ступала нога зомби. Даже над тем местом, где тролль рухнул — там дымка была гуще, почти чёрной, и микрофибра втягивала её с лёгким, едва слышным звоном. Где-то на третьем заходе она зацепилась за куст, выругалась на древнеэльфийском (я узнала пару выражений, которым успела выучиться, и пожалела, что узнала), но продолжила.

Через пять минут она вернулась. Усталая, чуть приспустившая насадку, но довольная. От неё пахло грозой и мятой — не химией, а чем-то первозданно чистым, как воздух после ливня в сосновом бору.

— Профессиональная уборка территории, — объявила она, плюхаясь ко мне в руки. Голос был с ноткой усталого превосходства. — В следующий раз, когда будешь договариваться с Тёмным Властелином, ставь условие — предоплата за финишный клининг. Я не нанималась работать на энтузиазме.

Я хотела сказать, что она и так не нанималась — её привязали к черенку силком семь веков назад. Но промолчала. Потому что поле внизу теперь сияло. Даже в сумерках. Даже после того, как по нему ползали зомби. Оно выглядело так, будто его вымыли, высушили и прогладили — хотя мы не делали ничего такого.

— Что это было? — спросил Элариан тихо.

— Глубокая очистка, — ответила Швабра вместо меня. — От магических отходов, эманаций смерти и прочего этиологического материала. Вы, люди, даже не замечаете, в какой грязи живёте. А она въедается. В камни. В траву. В души. И если её не вытягивать, она разрастается. Как плесень. Только хуже.

— Запомни, — прошипела она, хотя тролль её вряд ли слышал. — Я — Лунная Прядь. И я не тряпка.

Потом она медленно, с достоинством, поднялась ко мне на стену и упала в мои руки. Сапфиры горели усталым, но гордым светом.

— Полироль, — прошептала она. — Лаванда. И сандал. И не забудь.

— Не забуду, — пообещала я и погладила черенок. — Ты была великолепна.

— Я знаю, — И Швабра прикрыла сапфиры.

К вечеру поле перед замком напоминало склад мешков с картошкой. Только картошка иногда шевелилась и мычала.

Орки, потные, грязные, но счастливые, сидели прямо на мешках и считали трофеи. Грых, с верёвкой на плече, обходил ряды и делал пометки на куске коры угольком.

— Зелёные — сто двенадцать мешков, — объявил он. — Ещё зеленее — сто тридцать семь.

Команда «Ещё зеленее» взревела от счастья. Клык вскочил на мешок с особо упитанным зомби и заорал:

— Пиво! Наше пиво!

— Бочка ваша, — подтвердила я, спускаясь со стены. — И особый приз. Клык, иди сюда.

Клык прыгнул с мешка и подошёл, дрожа от волнения. Я протянула ему Швабру. Та, к моему удивлению, даже не ворчала — только сапфиры мигнули устало-снисходительно. «Ладно, так и быть, держи».

Клык взял Швабру обеими руками, бережно, как новорождённого поросёнка. Поднял над головой. Орки зааплодировали.

— Клык держит Швабру Истины! — прошептал он с благоговением. — Клык — великий воин!

— Молодец, — сказала я. — А теперь отдай. Ей нужен отдых.

Клык осторожно вернул Швабру мне, поклонился и побегал к бочке с пивом, где уже начиналась вечеринка.

Я отошла в сторону, села на перевёрнутое ведро и положила Швабру на колени. Достала из кармана маленький пузырёк — тот самый, с лавандовой полиролью, который я прихватила у гномов ещё до всего этого зомби-переполоха. Откупорила, капнула на тряпочку и начала аккуратно натирать черенок.

Швабра вздохнула. Сапфиры засветились мягким сиреневым.

— Приятно, — прошептала она. — Очень приятно.

— Ты заслужила, — с одобрением улыбнулась я. — Сегодня ты была не просто Шваброй. Ты была оружием. Чистоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.